

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ЯЗЫКОВА.

1853.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ЯЗЫКОВА.

Wer das Dichten will verstehen
Muss in's Land der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen
Muss in Dichters Lande gehen.

GÖTTE.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЕУШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпе-
тербургъ, 4 Гевваря 1833.

Ценсоръ В. Семеновъ.

4-11 А
8978

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран:
1. Поэту	1.
2. Подражаніе Псалму XIV	3.
3. Къ Музъ	5.
4. Къ А. А. Воейковой	7.
5. Ручей	9.
6. Тригорское	11.
7. Родина	23.
8. Двѣ картины	26.
9. Элегія	29.
10. Элегія	31.
11. Моя родина	32.
12. Элегія	35.
13. Геній	37.
14. Вечеръ	39.
15. Катенькѣ Моіеръ	41.
16. Олегъ	43.
17. Элегія	49.
18. Къ III — у	51.
19. Развалины	53.
20. Двѣ ночи	55.

VI

Стран:

21. Элегія	57.
22. Видѣніе	59.
23. Молитва	61
24. Ала (отрывокъ)	62.
25. Элегія	67.
26. Ночь	68.
27. Къ В—у, Т—у и Ш—у	70.
28. Разсвѣтъ	75.
29. Поэтъ	77.
30. Пловецъ	79.
31. Евпатій	81.
32. Муза	84.
33. Къ А. Н. В—у	85.
34. Мое уединеніе	87.
35. И. В. К.	95.
36. Кубокъ	95.
37. Пѣсня Короля Регнера	98.
38. Камби	100.
39. Элегія	103.
40. Памяти А. Д. Маркова	105.
41. Пожаръ	108.
42. Три Элегіи	111.
43. Прощаніе съ Элегіями	114.
44. Къ нянь А. С. П—а	115.
45. Ливонія	117.
46. Сомнѣніе	119.
47. Пловецъ	121

VII

Стран:

48. Е. А. Т—й	123.
49. Утро	126.
50. А. В. Т—у	128.
51. Чужбина	131.
52. Подражаніе Псалму СXXXVI	135.
53. Мечтанія	137.
54. Элегія	139.
55. Кудесникъ	141.
56. Элегія	144.
57. К. К. Я—ъ	146.
58. Воспоминаніе	148.
59. Аделаидъ	152.
60. Имъ	153.
61. Весенняя ночь	155.
62. Перстень	158.
63. Поэтъ	160.
64. К. К. Яницъ	163.
65. С. С. Теловой	165.
66. Отъездъ	167.
67. Конь	174.
68. Къ П. А. Ос—й	177.
69. Пѣсня	181.
70. Воспоминаніе объ А. А. Восйковой	183.
71. Барону Дельвигу	187.
72. Въ альбомъ Ш. К.	191.
73. Въ альбомъ Ш. К.	193.
74. Элегія	195.

VIII

	Стран:
75. А. И.	197.
76. Хоръ	198.
77. Новгородская пѣсня.	200.
78. Къ П. Н. Д—у	202.
79. На смерть няни А. С. П — а	204.
80. Элегія	208.
81. Къ К. Н. Д.	209.
82. А. Н. Т—у.	214.
83. Пѣсня	217.
84. Усладъ	219.
85. М. Н. Д—ой	226.
86. Стансы	228.
87. Къ Н. Н. В—у	230.
88. Вино	232.
89. Элегія	234.
90. На смерть Дельвига	236.
91. Къ А. Н. Т—у.	240.
92. Элегія	242.
93. Графу Д. И. Хвостову	244.
94. Пѣсня	248.
95. На смерть Т—а	250.
96. Е. А. С—ой	253.
97. Меченосецъ Аранъ (отрывокъ)	255.
98. Къ П—у	261.
99. Пѣснь Баяна	263.
100. Къ * * *	265.
101. Пѣсня	269.

IX

Стран:

102. Къ В—у	271.
103. А. Н. С—у	273.
104. Пѣсня	276.
105. А. Н. В—у.	278.
106. Разбойники.	280.
107. Графу Д. И. Хвостову	283.
108. Безсонница	287.
109. Катенькѣ Моеръ	289.
110. Элегія	291.
111. Къ В. Ю.	293.
112. Прощальная пѣсня	295.
113. Къ А. Н. В—у	297.
114. Элегія	300.
115. Ду!	302.
116. Водопадъ	307.

ПОЭТУ.

Когда съ побой сроднилось вдохновенье
И сильно имъ швоя препещеть грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Когда тебѣ на землѣ небесный явень дарь:

Могучей мысли свѣтъ и жарь

И огнедышащее слово —

Иди ты въ мѣръ, — да слышишь онъ пророка;
Но въ мѣръ будь величеспивень и свяць!
Не лобызай сахарныхъ устѣ порока,
И не проси и не бери наградь.

Привѣтливо ли сіяніе девицы,

Ужасенъ ли судьбины произволь?

Невиненъ будь, какъ голубица,

Смѣль и ошваженъ, какъ орель!

И стройные и сладоспные звуки

Поднимуся съ гремящихъ спрунъ пвоихъ:

Въ шѣхъ звукахъ рабъ свои забудешъ муки,

И Царь Саулъ заслушаепся ихъ;

И жизнию поржеспвенно-высокой

Ты процвѣтешъ — и будешъ вѣкъ свѣшло

Твое опкрытое чело

И зорко пламенное око!

Но если ты похваль и наслажденій

Исполнилъ желаніемъ земнымъ,

Не собирай богатыхъ приношеній

На жершвенникъ предъ Господомъ пвоимъ:

Опъ на тебля немилосердо взглянешъ,

Непримешъ жершвъ лукавыхъ; дымъ и громъ

Размечушъ ихъ — и жрецъ оппрянешъ,

Дрожацій спрахомъ и спыдомъ!

1831. М.

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ XIV.

Кому, о Господи! доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною запла
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрался противъ бранца
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со спрахомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ!

И свящъ, о Боже! Твой избранникъ!
 Мечемъ ли руку ополчить?
 Велнйй Господа посланникъ,
 Онъ исполина сокрушишь!
 Въ вѣнцѣ ли онъ? Его народы
 Возлюбяшь правду; весь и градъ
 Взыграють радостью свободы
 И нивы злапомъ закипяшь!
 Возьмешь ли арфу? Дивной силой
 Духъ преиспомнится его —
 И какъ орелъ ширококрылый,
 Взлетишь до неба Твоего!

1831. М.

КЪ МУЗЪ.

Мой Ангелъ милый и прекрасный,
 Богиня мужеспвенныхъ думъ,
 Ты занимала сладострасшно,
 Ты нѣжила мой юный умъ.
 Служа тебѣ, шобою полный,
 Не видѣлъ я, не слышалъ я,
 Какъ на пучинѣ быпїя
 Росли, шекли, шумѣли волны.
 Ты мнѣ опкрыла въ шининѣ
 Великїй мїръ уединеня,
 Благообразныя ко мнѣ
 Твои слепали вдохновеня;

Твоей прекрасна красоюй,
 Твоимъ величьемъ величава —
 Сама любовь, передо мной
 Являлась пышная, какъ слава....
 И весело мои мечпы,
 Тобой водимыя, играли;
 Тебѣ спнхи мои звучали
 Живые, свѣшлые, какъ пы. —
 Такъ разноцвѣшными огнями
 Блеспишь рѣчная глубина,
 Когда шоржесшвенно мирна,
 Въ одеждѣ, убранной звездами,
 По поднебесью ночь идешь
 И смотришься въ лазури водѣ.

1826. Д.

КЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

Забуду ль васъ когда нибудь
 Я, вами созданный? Не вы ли
 Мнѣ пѣсни первыя внушили,
 Мнѣ свѣшлый указали путь
 И сердце бншься научили?
 Я берегу въ душѣ моей
 Неизъясимыя, живыя
 Воспоминанья прошлыхъ дней,
 Воспоминанья золотыя.
 Тогда для васъ я призывалъ,
 Для васъ любилъ богиню пѣнья,
 Для васъ дѣлами вдохновенья

Я возвеличился жемаль —
 И ярко, — вами пробужденный,
 Прекрасный, сильный и священный, —
 Во мнѣ огонь его пымалъ.
 Какъ волны, высились, мѣшались,
 Играми быспрыя мечпы;
 Какъ образъ волнь, ихъ красопы,
 Ихъ роспъ и силы измѣнялись —
 И былъ я помонъ божеспва,
 Могучъ возспапъ до идеала,
 И сладкозвучныя слова,
 Какъ перлы, памяпъ набирала.
 Тогда я ждалъ... но гдѣжь они,
 Мои плѣнипельные дни,
 Воспорговъ пламенная сила
 И жажда славнаго шруда?
 Изчезло все, — меня забыла
 Моя высокая звѣзда.
 Взываю къ вамъ: безъ вдохновеній
 Мнѣ скучно въ полѣ быпнія;
 Пускай пробудишься мой геній,
 Пускай почувствую, кпо я!

1824. Д.

РУЧЕЙ.

Подъ склономъ съпчашыхъ вѣтвей,
 Чрезъ груды камней и корней
 Играютъ, скачутъ, силы полны,
 Твои серебряныя волны;
 Свѣпло и пышно лучъ дневной,
 Скользя на грани водяныя,
 На быспринѣ пвоей живой
 Дробится въ искры огневья.

Лежу — деревъ нагорныхъ птѣнь
 Мою задумчивую льнь

Своей прохладой осыпаетъ;
 Въ вершинахъ лѣса, памъ и памъ,
 По шепотливымъ ихъ лиспамъ
 Мгновенный шорохъ пробѣгаетъ —
 И смолкнешь вдругъ, и вдругъ сильный
 Зашевелился мракъ выпвей,
 И лѣсъ пробудился дремучій,
 И въ чащѣ ходитъ шумъ глухой —
 Здѣсь и тогда, ручей гремячій,
 Твой говоръ слышенъ волновой!

Люблю его; ему внимая,
 Я наслаждаюсь — и во мнѣ
 Мечта яснѣетъ золопая
 О незабвенной споронѣ....
 Бѣгите, дни, какъ эши воды,
 Бѣгите, дни быспрѣй, быспрѣй,
 Да вновь священный лучъ свободы
 Въ душѣ занскрится моей!

1827. Д.

ТРИГОРСКОЕ.

(Посвящ. П. А. Осиповой.)

Въ спранѣ, гдѣ вольные живали
 Сыны воинспвенныхъ Славяпъ;
 Гдѣ гордо имепемъ гражданъ
 Они другъ друга называли;
 Куда великая Ганза
 Добро возила издалуча,
 Пока Московская гроза
 Не пересиливала Вѣча;
 Въ спранѣ, кошпую война
 Кровопролипно пуспошила,
 Когда Ливонски знамена
 Душа геройская водила;

Гдѣ побѣждающій Стефанъ
 Въ одинъ могущественный спанъ
 Уже сдвигалъ толпы густыя,
 Да уничижитъ Псковичанъ,
 Да низпровергнетъ Россія! —
 Но ты, къ опечесиву любовь,
 Ты, чѣмъ гордились наши дѣды,
 Ты ополчилась... кровь за кровь...
 И онъ не праздновалъ побѣды! —
 Въ спранъ, гдѣ славной спарины
 Не все слѣды испреблены,
 Гдѣ сердцу Русскому донинѣ
 Краснорѣчиво говоряшъ:
 То спѣнь полуразбитыхъ рядъ
 И валъ на каменной вершинѣ,
 То одинокій древній храмъ
 Среди безпачишной поляны,
 То благородные курганы
 По зеленѣющимъ брегамъ;
 Въ спранъ, гдѣ Сорочь голубая,
 Подруга зеркальныхъ озеръ,
 Разнообразно между горъ
 Свои изгибы разстилая,
 Водами ясными поитъ

Поля, украшенная нивой; —
 Тамъ, у раздолья, горделиво
 Гора прехолмная спонитъ, —
 На той горѣ, среди лощины,
 Передъ лазоревымъ прудомъ,
 Бѣлѣтся веселый домъ
 И сада темныя карпины,
 Село и пажити кругомъ.

Приюти свободнаго поэта,
 Непобѣжденнаго судьбой!
 Благоговѣю предъ шобой —
 И даръ божественнаго свѣта,
 Краса и радость лучшихъ лѣтъ,
 Моя надежда и забава,
 Моя любовь и честь и слава —
 Мои стихи тебѣ привѣтъ!

Какъ сна опрадна видѣнья,
 Какъ утпо пынное весны,
 Волшебны, свѣжи наслажденья
 На вѣрномъ лонѣ пищины,

Когда душъ, неупомленной
 Жипейскихъ бременемъ шрудовъ,
 Доступенъ жертвенникъ священный
 Богинь Кастальскихъ береговъ;
 Когда родимая природа
 Ее лелѣетъ и хранишь,
 И ей, роскошная, даришь
 Все, чѣмъ возвышенна свобода.

Душъ нѣжнѣтельна моей
 Такая райская година;
 Камени пламеннаго сына
 Она упѣшила; объ ней
 Воспоминаніе живое
 И нынѣ радуешь меня.
 Бывало, въ царствешномъ поковъ,
 Великое свѣшило дня,
 Во слѣдъ за раннею денницей,
 Шаромъ восходишь огневымъ,
 И небеса, какъ багрянцей,
 Окинешъ заревомъ своимъ;
 Его лучами заиграюшь
 Озеръ живыя зеркала;
 Поля, холмы благоухаюшь;

Съ нихъ бѣлой скаптерную слезаюшь
 И сонъ и упрежня мгла;
 Росой перловой и зернистой
 Деревъ одежда убрана;
 Пернашыхъ пѣсню голосистой
 Звучишь лѣсная глубина.

Тогда, одинъ, восторга полный,
 Горы прибережной съ высотъ,
 Я озиралъ сей неба сводъ
 Великолѣпный и безмолвный,
 Сіи круги и лѣпны водъ,
 Сіи ликующія нивы,
 Гдѣ серпъ мелькалъ прудолобивый
 По золопшнымъ полосамъ,
 Скирды желѣлись, шамъ и шамъ
 Жнецы къ поварицамъ зывали,
 И на дорогъ, вдаль,
 Съ холмовъ бѣгущія къ рѣкѣ
 Спада пылили и блѣяли. —

Бывало, солнце безъ лучей
 Спощъ и рдѣетъ въ безднѣ пара,

Тяжелый воздух полонъ жара;
 Вода чуть движешся; надъ ней
 Склонилась помными выпями
 Древь безжизненная пшнь;
 На полъ жапы, межъ скирдами,
 Невольная почиеть лшнь,
 И кови спушанные бродяшъ,
 И пси валяющся; молчащъ
 Село и холмы; душень садъ
 И пшицы псень не заводяшъ....
 Туда, шуда, друзья мои!
 На скашъ горы, на брегъ зеленой,
 Гдъ дремяющъ Сорощи спуденой
 Госшепримныя спруи;
 Гдъ подъ кусшарникомъ пшнисшимъ
 Дугою выдалась она
 По глади вогнушаго дна,
 Пескомъ усыпанной сребрисшимъ.
 Одежду прочъ! передъ челомъ
 Прошняемъ руки удалыя
 И бухъ! — блисшательнымъ дождемъ
 Взметающъ брызги водяныя.
 Какая сильная волна!
 Какая свшжешъ и прохлада!

Какъ сладоспирасшна, какъ ншжна
 Меня обнявшая Наяда!
 Дышу вольнше, свшпелъ взоръ,
 Въ холодной нтгъ оживаю,
 И бодръ и весель выбьгаю
 Травы на бархатный коверъ.

Чшо восхшпшпельнше, краше
 Свободныхъ, дружескихъ бесшдъ,
 Когда за пшниспою чашей
 Съ поэпомъ говоритъ поэтъ?
 Жрецы высокоаго искуссва,
 Пророки воли божешва!
 Какъ независимы ихъ чувсшва,
 Какъ полновссны ихъ слова!
 Какъ быспро, мыслью вдохновенной,
 Мечпы на радужныхъ крылахъ,
 Они лешающъ по вселенной
 Въ былыхъ и будущихъ вшкахъ!
 Прекрасно радуясь, играя,
 Надежды смшлыя кипящъ
 И грудь трепещеть молодая,
 И гордый вспыхиваешъ взглядъ!

Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
 Была счастливая пора,
 Когда такъ веселы, такъ милы
 Неслися наши вечера
 Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
 Спарѣйшинъ сада вѣковыхъ,
 На дерѣ свѣжемъ и шелковомъ,
 Въ виду окрестностей живыхъ;
 Или въ пиши благословенной
 Жилища Грацій, гдѣ цвѣшуть
 Каменами хранимый прудъ
 И умъ изящно просвѣщенный;
 Въ часы, какъ сладоспные шамъ
 Дары Эвперны насъ плѣняли,
 Какъ персы легкіе мелькали
 По очарованнымъ ладамъ:
 Съ нихъ звуки стройно подымались,
 И въ шреляхъ чисныхъ и густыхъ
 Они свивались, развивались —
 И сердце чувствовало ихъ!

Вопъ за далекими горами
 Скрывастся прекрасный день;

Опъ съней лѣса падъ водами,
 Волнообразными рядами
 Длиннѣетъ препенная пѣнь;
 Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
 Пуспьюшъ холмы, доль и брегъ;
 Въ село възжаютъ вереницы
 Поля покинувшихъ пельгъ;
 Гдѣ — гдѣ залаетъ песь домовый,
 Иль въперокъ зашелеспипъ
 Въ листьяхъ пемвѣющей дубровы,
 Иль ппица робко пролешипъ,
 Иль возъ тяжелый и скрыпучій,
 Успалымъ движимый конемъ,
 Считая бревна колесомъ,
 Переступаетъ моспъ пловучій;
 И вдругъ ошривной и глухой
 Промчишя грохотъ надъ рѣкой
 Уже спокойной и дремучей —
 И вдругъ замолкнетъ. Но вдали,
 На краѣ неба, мѣсяцъ полный
 Со всѣхъ споронъ заволокли
 Большія, облачныя волны;
 Вонъ разшунились — вонъ сошлись —
 Вонъ грозно пихія слились

Въ одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молніеносна и черна,
Съ Востока крадется она.

Уже безмолвіе лѣсное
Налепомъ въпра смущено;
Уже немирно и темно
Рѣки печеніе ночное;
Широко зыблющся на немъ
Тѣней раскидистыя чащи, —
Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
Почпи упущенный пловцомъ,
Когда внезапно буря встанетъ,
Покашнитъ шумныя струи,
Рванетъ крыло его ладьи
И надъ пучиною распянетъ.

Тма попопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнуетъ,
Взрываетъ воды и лѣса,
Гремитъ и блещетъ и бушуетъ.

Мгновенья дивныя! Когда
Съ конца въ конецъ, по пучамъ бурнымъ,
Зубчатой молніи бразда
Огнемъ разсыплется пурпурнымъ;
Все видно: цѣнь далекихъ горъ,
И разноцвѣтныя карпины
Извивовъ Соропи, озѣръ,
Села и берега и долины!
Вдругъ шма угрюмой и черной,
Удары громче громовые,
Шумнѣе, гуще и быстрѣй
Дождя потоки проливные.

Но завтра въ пышной пшеницѣ,
На небо ярко-голубое,
Свѣсило явится дневное,
Возспавитъ упрое золотое
Грозой омытой сіпоронѣ.

Придутъ ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священныхъ памятникоть Пскова?

Твои родныя красоты
 Во имя Музы благословляю,
 И вѣрнымъ счастьемъ называю
 Все, чѣмъ меня ласкала ты.

Какъ сладко узнику младому,
 Покинувъ пшму и грузъ цѣпей,
 Взглянувъ на день, на блескъ зыбей,
 Пройши по берегу луговому,
 Упиться воздухомъ полей!
 Какъ ушъшишельно поэпу
 Опъ міра хладной суены, —
 Гдѣ многочисленныя въ Лепу
 Бѣгушь надежды и мечпы,
 Гдѣ въ сердцѣ, Музою любимомъ,
 Порой, какъ пламени спруя
 Гуспымъ задавленная дымомъ,
 Спраспей при шумъ несперпимомъ
 Слабьютъ силы бышя, —
 Въ прекрасный міръ, въ сады природы
 Себя свободнаго укрышь,
 И вдругъ и гордо позабышь
 Свои потерянные годы!

1826. Д.

РОДИНА.

Краса полуночной природы,
 Любовь очей, моя страна!
 Твоя живая пишина,
 Твои лихія непогоды,
 Твои лѣса, твои луга,
 И Волги пышные берега,
 И Волги радостныя воды: —
 Все мило мнѣ, какъ жаръ спиховъ,
 Какъ жажда пламенная славы,
 Какъ шумъ прибережной дубравы
 И разыгравшихся валовъ!

Всегда люблю я, вечно живы
 На крышке памяти моей,
 Предметы юношеских дней
 И сердца первые порывы;
 Когда волшебница-мечта
 Красноречивья мѣста
 Мнѣ оживляетъ и рисуетъ:
 Она свѣжа, она чиста,
 Она блестяща, она ликуетъ.

Но тамъ, гдѣ Русская природа,
 Какъ нашихъ дѣдовъ времена,
 И величава и грозна
 И благодатна, какъ свобода; —
 Тамъ вяло дни мои лились,
 Тамъ не внимаютъ вдохновенью,
 И люди мирно обреклись
 Непринужденному забвенью.

Цѣлуй меня, моя Лилея,
 Цѣлуй, цѣлуй! опять съ тобой
 Воспорги вольнаго поэта
 И сила спрасши молодой,

И голось лиры вдохновенной!
 Покинувъ край непросвященной,
 Душой высокое любя,
 Опять побой воспламенный,
 Я спану пѣшь и шумъ военный,
 И Меченосцевъ, и тебѣ!

1824. Д.

У пробудившагося берега
 Споляпть, гошповые для бѣга,
 И пихо плещупть паруса;
 На лодку мрежи собирал,
 Рыбакъ взываетъ и поешъ,
 И пѣсня Русская, живая,
 Разносится по глади водъ.

ДВѢ КАРТИНЫ.

Прекрасно озеро Чудское,
 Когда надъ нимъ свѣшило дня
 Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
 Вспаешъ въ шоржеспивенномъ покоѣ:
 Его красой озарена,
 Цвѣтами радуги играя,
 Лежишь равнина водная
 Необозрима и пышна;
 Прохлада упренная вѣешъ,
 Едва колышущся лѣса,
 Какъ блеспки золоша, свѣшлѣешъ
 Ихъ переливная роса;

Прекрасно озеро Чудское,
 Когда блиспапельнымъ сполбомъ
 Свѣшило искрился ночное
 Въ его кристалъ голубомъ:
 Какъ тѣнь, опрошенная пучей,
 Вдоль искривленныхъ береговъ,
 Черньютъ образы лѣсовъ
 И кое-гдѣ огонь пловучій
 Горишь на челнахъ рыбаковъ; —
 Безмолвна синяя пучина,
 Въ дубровахъ мракъ и пишина,
 Небесъ далекая равнина
 Сіянья мирнаго полна;
 Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ

Подъемя съпи изъ воды,
 Рыбакъ живишь веселымъ словомъ
 Своихъ поварицей пруды;
 Или — пушемъ дугообразнымъ —
 Съ небесныхъ падая высотъ,
 Звезда надъ озеромъ блеснетъ,
 Огнемъ рассыплется алмазнымъ
 И въ опдаленнн пропадетъ.

1825. Д.

ЭЛЕГІЯ.

Скажи, воропишься ли ны,
 Моя пльнипельная радость?
 Уже ль моя погаснетъ младость,
 Мои не сбудутся мечты?

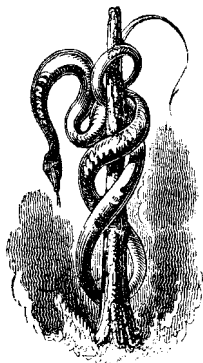
Еще не въдалъ я спрданій,
 Еще я жизнь не разлюбилъ; —
 Былъ чиспъ огонь моихъ желаній...
 И онъ ли небо оскорбилъ!

Не укорялъ бы я судьбины,
 Я ждалъ бы смерпи въ пишинъ;

Но трепещу... ужасны мнѣ
Забвенья черныя пучины.

Дары Поэзіи святой!
Уже ль вы были сновидѣнье?
Ты, жажда чести въковой,
И ты, къ высокому стремленье?

1824. Д.

ЭЛЕГІЯ.

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай —
Минувшихъ дней воспоминанье.
Прошелъ, прошелъ ихъ милый сонъ,
Но все душа за нимъ спремилась
И ждетъ: бышь можешь, снова онъ
Хотя однажды ей приснился....
Такъ пупникъ въ ранніе часы,
Заспигнушь ужасами бури,
Съ надеждой смощишь на красы
Гдѣ — гдѣ свѣпляющей лазури!

1824. Д.

МОЯ РОДИНА.

«Гдѣ швоя родина, пѣвецъ молодой?»

Тамъ ли, гдѣ льепся лазурная Рона;

Тамъ ли, гдѣ пѣли пѣвцы Альбіона;

Тамъ ли, гдѣ бился Арминій — герой?»

— Не шамъ, гдѣ сражался герой Туископа

За честь и свободу опчизны драгой;

Не шамъ, гдѣ носился гласъ Барда живой;

Не шамъ, гдѣ спруишся лазурная Рона. —

«Гдѣ швоя родина пѣвецъ молодой?» —

— Гдѣ берегъ успавленъ рядами кургановъ;

Гдѣ бились Славяне при пѣсняхъ Баяновъ;

Гдѣ Волга, какъ море волнами шумишь...

Тамъ память героевъ, тамъ край вдох-
новеній,

Тамъ все, чпо мнѣ мило, чѣмъ сердце
горишь;

Туда горделивый пѣвецъ полепишь,

И спруны пробудяшь минувшаго Геній! —

«Кого же прославишь пѣвецъ молодой?»

— Пѣвца восхищающъ могучіе дѣды;

Опъ любишь Славянскихъ героевъ победы,

Ихъ нравы просные, ихъ жаръ боевой;

Опъ любишь долины, гдѣ бились народы,

Цылая къ опчизнѣ любовью свяпной;

Гдѣ падали силы Орды Золопой;

Гдѣ пѣлися пѣсни войны и свободы. —

«Кого же прославишь пѣвецъ молодой?»

— Опъ звука роднаго, съ ихъ брашною
славой,

Какъ звѣзды, блиспая красой величавой,

Возспауишь герои изъ мрака пѣней:

Вы, спрашные Грекамъ, и ты, нашъ

Арминій,

Младый, но ужасный средъ вражкихъ

мечей,

И ты, сокрушишель Тапарскихъ цѣпей,

И ты, побѣдившій враговъ и пущыни! —

« Но кто же младаго пѣвца наградишь? »

— Плааетъ онъ жаждой награды высокой,
Онъ борется смѣло съ судьбою жестокой
И, гордый, всеильной судьбы не винишь...
Такъ бурей гонимый, средь мрака ночнаго,
Пловецъ по ревущимъ пучинамъ лепишь,
На грозное небо спокойно глядишь
И взорами ищешь свѣтила роднаго! —

« Но кто же младаго пѣвца наградишь? »

— Потомокъ героевъ, какъ предки, сво-
бодной,

Пѣвецъ не унизишь души благородной
Опшъ почестей свѣта и пышныхъ даровъ.
Онъ славить опчизну — и въ гордосни
смѣлой

Не заняшь молвою, не терпишь оковъ :
Онъ ждетъ себя славы — за далью вѣковъ...
И взоры сверкающъ надеждой веселой! —

1824. Д.

ЭЛЕГІЯ.

Зачѣмъ божественной Хариты
Въ ней раздѣлаешь красота?
Зачѣмъ такъ пурпурны ланины,
Зачѣмъ такъ сладосны усна?
Она въ душѣ не пробуждаетъ
Святыхъ желаній, свѣтлыхъ думъ;
При ней безумье не скучаетъ,
И пламенный хладѣетъ умъ.
Спиховъ гармонія живая
Невятно, дико ей звучишь:
Она, очами не сверкая,
Поэша имя говоришь.

Кто хочешь, жди ея награды
 Но гордый славою своей,
 Поэшь ли склонить передь ней
 Свои возвышенные взгляды!
 Такъ слѣдь убогаго челна
 Струя безсильная лобзаешь,
 Когда могучая волна
 Черезъ него перелезашь.

1824. С.

ГЕНІЙ.

Когда гремя и пламенья
 Пророкъ на небо улѣпалъ —
 Огонь могучій проникалъ
 Живую душу Елисея:
 Святыми чувствами полна,
 Мужала, крѣпла, возвышалась,
 И вдохновеньемъ озарялась,
 И Бога слышала она! —

Такъ Геній радостно трепещеть,
 Свое величье познаешь,

Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
 Инаго Геія полетъ;
 Его воскреснувшая сила
 Мгновенно зрѣетъ для чудесъ....
 И міру новыя свѣтила —
 Дѣла избранника небесъ!

1825. Д.

ВЕЧЕРЪ.

Прохладенъ воздухъ былъ; въ спеклѣ спокой-
 ныхъ водъ
 Звѣздами убранный лазурный неба сводъ
 Свѣтился; темныя покровы ночи сонной
 Спруились по коврамъ долины благовоной;
 Надъ берегомъ, въ пѣни разкидиспыхъ
 вѣшвей,
 И прѣмилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей. —
 Тогда между кустовъ, какъ призраки мелькая,
 Влюбленный юноша и дѣва молодая
 Бродили вдоль рѣки; казалось, для нихъ
 Сей вечеръ нѣжился, шакъ сладоспенъ и
 шихъ,

Для нихъ лучами звѣздъ играла водъ равнина,
 Для нихъ шуманами окрестная долина
 Скрывалась — и въ пѣни разкиданныхъ
 вѣтвей

И шрелиль, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.

1826. Д.

КАТЕНЬКЪ МОИЕРЪ.

Какъ очаровываетъ взоры
 Востока чистая краса,
 Сіяя розами Авроры!
 Быть можешь, эпи небеса
 Не цѣлый день пропоржествуютъ;
 Быть можешь, мракъ заспижнешъ ихъ,
 И ураганы добущуютъ
 До сводовъ вѣчно голубыхъ!
 Но любишь тихое мечтанье
 Въ цвѣтны надежду убирать,
 И неба въ упреннемъ сіяньи
 Прекрасный день предузнавать.

**

Твои младенческіе годы
 Полетомъ ангела лепящъ:
 Твои мечпы — мечпы свободы,
 Твоя свобода — міръ опрадь;
 Въ пвоихъ поняпіяхъ нѣтъ рока...
 Несильной жершвы не губя,
 Еще зависпываго ока
 Не обратилъ онъ на себя;
 Но будешъ часть, онъ неизбѣженъ,
 Твоимъ очамъ опкроешъ онъ
 Сей міръ, гдѣ разумъ безнадеженъ,
 Гдѣ счастье — сонъ, бѣда — не сонъ.

Пусть вѣры кропкое сіянье
 Тебѣ освѣшитъ жизни пушь;
 Ея даровъ очарованье
 Покоишь спраждушую грудь;
 Она съ надеждою опрадной
 Велишь безъ ропоша сносишь
 Удары силы непощадной,
 Терпѣшь, смиряешься и любишь.

1824. Д.

ОЛЕГЪ.

Не лѣсъ завываешъ, не волны кипящъ
 Подъ сильнымъ крыломъ непогоды;
 То люди выходятъ изъ Кіевскихъ врапъ:
 Князь Игорь, его Воеводы,
 Дружина, свои и чужіе народы
 На берегъ Днѣпровскій, въ долину спѣшащъ,
 Могильнымъ общеспвеннымъ пиромъ
 Опправитъ Олегу почешный обрядъ,
 Великому бравью и миромъ.

Пришли — и широко бойцевъ и гражданъ
 Толпы обступили гуспыя

То мѣсто, гдѣ черныи возстанешъ курганъ,
Да въщаго помнишь Россія; —

Гдѣ Князь бездыханный, въ доспѣхахъ зла-
ныхъ

Лежалъ средь зеленого луга,
И бурный поварищъ прудовъ боевыхъ —
Конь бѣлый, — споялъ изукрашенъ и пинхъ
У ногъ своего господина и друга.

Всѣ, малый и старый, опрадой своей,
Опцемъ, опочившаго звали,
Горючія слезы текли изъ очей,
Носилися вопли печали;
И долго, и долго вонялъ и спеналь
Народъ, покрывавшій долину;
Но вопъ на среднѣ булашъ засвергалъ
И бранному въ честь властелину
Конь бѣлый, булашомъ сраженный, ужалъ
Безъ жизни къ ногамъ своему господину.
Все стихло . . . руками бойцевъ и гражданъ
Подвинулись глыбы земныя . . .
И вонъ на долинь огромный курганъ —
Да въщаго помнишь Россія.

Волнуясь, могилу народъ окружалъ,
Какъ волны морекія песмѣнный;
Тамъ праздникъ надгробный самъ Князь
начиналъ:

Въ спаканъ золошой и завѣшпый
Онъ медъ наливалъ искромешный,
Онъ въ памянь Олегу его выпивалъ;
И вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки Славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ,
Ходилъ золошой и завѣшпый спаканъ.

Тогда шоропливо, по данному знаку,
Откинувъ доспѣхъ боевой,
Свершишь на могилъ пошпынную драку
Вонтели спрояшя въ спрой;
Могучи, опваги исполнены жаромъ,
Онъ разныхъ выходяшъ спорошь,
Сошлися и бьюшя . . . ударъ за ударомъ,
Ударомъ ударъ опражѣнь!
Сверкаюшъ ихъ очи; десницы высокой
И ловокъ, и мѣпокъ размахъ;
Уверливы спаномъ и грудью широкой,
И пверды бойцы на ногахъ!

Расходяпся, сходяпся... сшибка другая...
 И пала одна спорона!
 И громко народъ зашумѣлъ, повпорая
 Счастливыхъ бойцевъ имена.

Тупъ съ поприща боя, ихъ рвѣчью привѣстной
 Князь Игорь къ себѣ подзывалъ;
 Въ спаканъ золопой и завѣстной
 Онъ медъ наливалъ искромешной,
 Онъ самъ его бодрымъ бойцамъ подавалъ;
 И вновь наполняемый медомъ,
 Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ,
 Съ конца до конца, межъ народомъ,
 Ходилъ золопой и завѣстный спаканъ.

Вдругъ,—словно мяпежъ усмиряется шумный
 И чинно дорогу даѣтъ,
 Когда посѣдѣлый въ добръ и разумный
 Бояринъ на Вѣче идѣтъ —
 Толпы разсупились... и спалъ среди схода
 Съ гуслиами въ рукахъ Славянинъ.
 Кто онъ? онъ не Князь и не Княжескій сынъ,
 Не сшарецъ, совѣшникъ народа,

Не славный дружинъ воевода,
 Не славный сорашникъ дружинъ;
 Но всѣ его знаюпъ, онъ людямъ знакомъ
 Красой вдохновеннаго гласа...
 Онъ спалъ среди схода,— молчанье кругомъ,
 И звучная пѣснь раздалася!

Онъ пѣлъ, какъ премудръ и какъ мужеспивень
 былъ
 Правитель полночной державы;
 Какъ первый онъ громомъ войны огласилъ
 Древлянъ въковыя дубравы;
 Какъ дружно сбирались въ далекій походъ
 Народы по слову Олега;
 Какъ шли черезъ пороги подъ грохотомъ водъ
 По высямъ Днѣпровскаго брега;
 Какъ по морю бурному въперъ носилъ
 Проворные Русскіе челны;
 Лешѣла, шумѣла спаница въсприлъ
 И прыгали чѣлны черезъ волны!
 Какъ послѣ водима любимымъ вождемъ
 Сражалась, гуляла дружина
 По градамъ и селамъ, съ мечемъ и съ огнемъ
 До града Царя Константина;

Какъ тамъ побѣдишель къ воропамъ приближь
 Свой щипъ знаменитый во брани,
 И какъ онъ дружину свою одѣлимъ
 Богатствами Греческой дани!

Умолкъ онъ—и радостнымъ крикомъ похвалъ
 Народъ опзывался несмынный;
 И брашки Баяна самъ Князь обнималъ,
 Въ спаканъ золошой и завъшний
 Опъ медъ наливалъ искромешный,
 И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ;
 И вновь наполняемый медомъ,
 Изъ рукъ молодого владыки Славянь,
 Съ конца до конца, межъ народомъ,
 Ходилъ золошой и завъшний спаканъ.

1826. Д.

ЭЛЕГІЯ.

Вы не сбылись, надежды милой
 Благословенныя мечпы:
 Моя краса, мое свѣшмо,
 Моя желанная, гдѣ ты? —
 Давно ль очей твоихъ лазурныхъ
 Я любовался пишиной,
 И волны думъ крушыхъ и бурныхъ
 Въ душѣ смирялись молодой?

Далеко ты, но терпливо
 Моей покоршвую судьбѣ;

Во мнѣ божественное живо
 Воспоминанье о тебѣ...
 Такъ пробужденъе сохраняешъ
 Черты плѣнительнаго сна;
 Такъ землю блескомъ осыпаешъ,
 Небесъ красавица, луна.

1828. Д.

КЪ Ш - У.

Въ дѣлахъ вина и просвѣщенья,
 Въ дѣлахъ Амура, мой Ореспъ,
 Прощай! защити Провидѣнья
 Я поручаю швой опъездъ.
 Въ Россіи, ради Аполлона,
 Поэша - друга вспомяни.
 Туда съ побоею два поклона
 Я посылаю, вопъ они:
 Одинъ Москвѣ перводержавной, —
 Она Поэзиі мила;
 Въ ней слава Руси благонравной
 И прозябала, и цвѣла;

Другой поклонъ иного рода —
 Куда?... ты можешь угадать,
 Кому работала полгода
 Моей Камены благодаць;
 Къмъ, незапамятный, досель
 Я восхищаюсь и горжусь;
 О комъ три раза на недѣль
 Святому образу молюсь;
 Чья побѣдительная сила,
 Давно, и въ явь и во снѣ,
 Меня мершвила и живила
 И воцарилася во мнѣ.
 Ты помнишь, другъ, ее пѣвали
 Мои Элегіи: она была мила
 Мила какъ Ангель; но едва ли
 Такъ непришворна и скромна.
 Ея чело, ея ланипы,
 Ея власы, ея усна,
 И очи — словно у Хариты,
 Все хорошо, все красота.
 Ей поклонись, скажи два слова
 И мнѣ въ услуду напиши,
 Какъ поживаешь, какъ здорова,
 Сія звезда моей души?
 1825. Д.

РАЗВАЛИНЫ.

Ночь; тихи небеса; съ воспочнаго ихъ края
 Луна, красивый блескъ на землю рассыпая,
 Въ пучинѣ воздуха лазурной восплаещъ;
 Безмолвенъ горный лѣсъ; чупь льюпся зыби
 водъ;
 Вонъ тамъ, господствуя надъ бегомъ и
 холмами,
 Двѣ башни и спѣна съ высокими зубцами —
 Остатки подвиговъ могучей спарини —
 Какъ снѣгъ бѣлѣюпся, луной озарены;
 Далеко, голыхъ скалъ чрезъ каменны ступени
 Сошли на свѣжій лугъ пробитыя ихъ пѣни,

И шемны, какъ молва давно минувшихъ дней,
 Лежатъ предъ новыми жилищами людей.
 Вонъ рядъ обломковъ! Тамъ на вышны
 крупныя
 Опчаянно толпы взбѣгали боевыя,
 И гибли!... Радостный приютъ моей
 мечшы,
 Чернокудрявая красавица, гдѣ ты?
 Приди; на эпохъ холмъ, въпьями осѣненный,
 Возсядемъ; пивой пѣвецъ, младый и вдохно-
 венный,
 Повѣдаю тебѣ сказанья спарины
 Про гордыхъ выпязей свободы и войны;—
 И сладостны, какъ шумъ панишвенный
 дубравы,
 Звучны, какъ говоръ волнъ пущынныхъ, —
 пѣсни славы
 Польюшя... ясная улыбка оживитъ
 Твои уста и жаръ на пурпуръ ланищъ,
 Свѣшло заискряся божешвенныя очи; —
 Приди!... но я одинъ; спокойно царство ночи;
 Высоко шаръ луны серебряной вспаепъ;
 Безмолвенъ горный лѣсъ; чупъ люются
 зыби водъ.

1828. Д.

ДѢВА НОЧИ.

Какъ эта ночь, спыдливъ и помень
 Очаровательный пивой взоръ;
 Какъ эта ночь, прелестно шемень
 Съ побою нѣжный разговоръ;
 Ты вся мила, ты вся прекрасна!
 Какъ пламенны твои уста!
 Какъ безгранично сладострашна
 Твоихъ объятій полноша!

Но успокойся, дѣва ночи!
 Спусти завистливый покровъ,

Сокрой пвои успа и очи
 И запо вьющихся власовъ:
 Не на пвоей груди перловой
 Моя воздремлеть голова,
 Не пы внушишь мнѣ жизни новой
 Родныя чувства и слова.

Тамъ, шамъ, гдѣ пышный покъ Родана,
 Въ виду заоблачныхъ вершинъ,
 Сребромъ выходящъ изъ Лемана
 На гладь шелковую долинь....
 Туда — сердечной жажды полны,
 Мои возвышенные сны;
 Туда — надеждъ и мыслей волны,
 Игривы, чисты и звучны.

Смотри! спою передъ побою;
 Вдругъ освѣжилась грудь моя;
 Торжественъ, радостенъ душою,
 И смѣль, и гордъ, и свѣпель я!
 Прекрасна пы, о дѣва ночи!
 Покинъ меня и не зови
 Лобзашъ пвои успа и очи,
 Испнаевашь въ пвоей любви!

1829. Д.

ЭЛЕГІЯ.

Она меня очаровала,
 Я въ ней нашель все красоты,
 Все совершенства идеала
 Моей возвышенной мечты.

Напрасно я простую долю
 У небожителей просилъ,
 И миръ души, и сердца волю,
 Какъ драгоценности хранилъ.

Любви чарующая сила,
 Какъ искра Зевсова огня,
 Всего меня воспламенила,
 Всего проникнула меня.

Пускай не мнѣ ея награды;
 Она мой рай, моя звезда
 Въ часы вакхической опрады,
 Въ часы покоя и труда.

Я безкорыстно повинуюсь
 Порывамъ страсти молодой,
 И восхищаюсь, и люблюсь
 Непобѣдимую красой.

1824. Д.

ВИДѢНІЕ.

Вчера, какъ сумраки по небу
 Туманный вечеръ разспиналъ,
 Я въ пишинѣ молился Фебу,
 Я вдохновенье призывалъ;
 Уже душой, ему покорной,
 Неукропимый, живошворной
 Его огонь овлаждѣвалъ;
 Мечты кипѣли, разгорались,
 Росли, блиспали и сливались,
 И видѣлъ я — мой идеаль:
 Чело и очи, и ланипы,
 Уста, и локоны, и грудь,

И спань божественной Хариты
 Непринужденно, какъ нибудь
 Одеждой легкой перевитый. —
 Какъ милъ и живъ мой идеалъ!
 Я мѣль, я шаяль, я стыдился,
 Я задыхался и дрожалъ,
 И упомленный — пробудился!

1824. Д.

МОЛИТВА.

Молю Святое Провидѣнье:
 Оспавь мнѣ пятоспные дни,
 Но дай желѣзное перцьенье,
 Но сердце мнѣ окамени;
 Пущь, неизмѣненъ, жизни новой
 Приду къ шаншвеннымъ врачамъ,
 Какъ Волги валъ бѣлоголовый
 Доходишь цѣльмъ къ берегамъ!

1824. Д.

АЛА.

(ОТРЫВОКЪ.)

Въ спранѣ, любимой небесами,
 Гдѣ величавая рѣка
 Между цвѣшущими брегами
 Играетъ ясными струями;
 Тамъ, гдѣ въ минувшіе вѣка
 Сражались воины Хрисповы,
 Опважны, буйны и суровы;
 Гдѣ нашъ свирѣпый Іоаннъ,
 Пылая местию кровожадной,
 Казнилъ за Магнуса гражданъ
 Неупомимо, безпощадно;
 Гдѣ добрый Геній спарины,

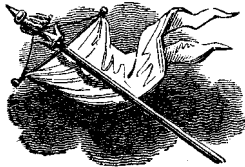
Надъ чистымъ зеркаломъ Двины
 Хранишь досель, какъ святыню,
 Остатки каменной стѣны
 И кавалерскую швердыню —
 Въ дому опщовскомъ, въ пишинѣ,
 Какъ цвѣшь Эдема разцвѣтала
 Очаровательная Ала. —
 Межъ тѣмъ въ сосѣдней споронѣ,
 Успами Папкуля, къ войнѣ
 Свобода смѣлыхъ вызывала
 И удалаго Короля
 Имъ угнетенная земля
 Съ валовъ Балшійскихъ принимала,
 Когда прославившись мечемъ,
 Онъ шелъ съ полуночнымъ Царемъ
 Извѣдавъ силы боевыя,
 Не зная, дерзкій, какъ бодръ,
 Желѣзной волею Пепра
 Преображенная Россія!
 Родилель Алы доходилъ
 Къ предѣлу жизненной дороги.
 Онъ долго родинѣ служилъ,
 Видалъ кровавыя превоеги,
 Бывалъ рѣшипелемъ побѣдъ;
 Попомъ, покинувъ шумный свѣтъ,

И безмятежно догорая,
 Прекрасенъ былъ, какъ вечеръ Мая,
 Закашъ его почтенныхъ лъшъ.
 Но вдругъ... и кпо не молодѣешь,
 Своимъ годамъ кпо помнишь счесть,
 Чей духъ не крпнешъ, не смѣлешь,
 Чья длань желѣза не берешь.
 И взоръ опвагой не сверкаешь,
 И грудь воспоргомъ не полна,
 Когда знамена развиваешь
 За честь и родину война? —
 Онъ вновь надѣлъ одежду брани,
 Спальную саблю напочилъ,
 Казалось, спарца оживилъ
 Священный жаръ его желаній;
 Онъ призвалъ дочь, и говорилъ:
 «Уже лишень я прежнихъ силъ
 Неумолимыми годами;
 Прошла пора, какъ пвой онецъ
 Былъ знаменишйшій боецъ
 Между Ливонскими бойцами,
 Свершалъ геройскія дѣла, —
 Все спаросп жадная взяла...
 Не все взяла!... еще волнуешь
 Мою хладьющую кровь

Къ добру и вольности любовь;
 Еще опрадно сердце чуетъ
 Ихъ благодѣтельный призывъ;
 Ему, какъ юнона, внимаю,
 И снова смѣлъ, и снова живъ
 Служишь опеческому краю.
 Гремиле жъ, бранныя поля,
 Пируйше, мужество и мцене!
 Чпо намъ судьбы опредѣлене?
 Опяшь ли силы Короля
 Подавяшь милую свободу,
 Или шоржеспвенно она
 Опдаспъ Ливонскому народу
 Ея златыя времена, —
 Побѣда, смерть ли? будь, чпо будетъ,
 Лишь бы не спыдъ! Пускай же насъ
 Къ мечамъ хопя въ послѣднй разъ
 Глашь родины, какъ неба глашь,
 Опъ сна позорнаго пробудитъ!»
 Сказалъ — и взоры спарика
 Мпяежнымъ пламенемъ сверкали,
 И быспро падала рука
 На рукояшь военной спали...
 Такъ въ шучь рѣшся огонь,

Когда съ гошовыми громами
 Она плывеиъ подь небесами;
 Такъ, слыша бишву, ярый конь
 Кивнишь и попасеиъ ногами.

1824. Д.

ЭЛЕГІЯ.

Счастливь, кто съ юношескихъ дней,
 Живыми чувстввами убогой,
 Идетъ проселочный дорогой
 Къ мѣпъ паниственной своей!
 Кто разсудительной душено
 Безъ горькихъ опыповъ узналъ
 Всю бѣдноспъ жизни подь луною,
 И ничему не доврлять!
 Зачѣмъ не мнѣ шакую долю
 Опредѣлили небеса?
 Идя по жизненному полю
 Твержу: мой рай, моя краса,
 А вижу лишь мою неволю!

1824. Д.

НОЧЬ.

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Тамъ подъ горой, едва, едва
Бъжитъ, журчитъ ручей спекляный —
Царица сна и шемнопы,
Царица дивныхъ сновидній!
Какъ сладосно ласкаешь ты
Уединенныя мечшы
И нбгу вольныхъ вдохновеній!
Онъ опдыхаетъ, грѣшный, свѣтъ:
Главу спрадальца упомню

Однообразіе суетъ,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй видѣнья золотыя,
Да уелѣянный тобой
Забудетъ онъ и шумъ дневной,
И спрахи, и надежды злыя.

Но ты лампады не пуши,
Не водворяй успокоенья
Тамъ, гдѣ поэтъ, своей души
Свершаетъ спройныя шворенья;
Пускай шоржественный восходъ
Великолѣпнаго свѣтила
Его бессоннаго найдетъ,
И снова думъ его подетъ
Подыметъ божеская сила!

1827. Д.

КЪ В-У, Т-У И Ш-У.

Намъ было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали
Свободу нашего жипья
И цѣлый мѣръ позабывали!
Тѣ дни лепѣли, какъ сырѣла,
Могучимъ кинушая лукомъ;
Они звучали яркимъ звукомъ
Разгульныхъ пѣсень и шекла;
Какъ искры брызжущія спали
На поединкѣ роковомъ,
Какъ очи, свѣплыя виномъ, —
Они плѣнительно блиспали.

Въ пѣ дни, мила, явилась мнѣ
Надежда творческая славы,
Манила думы величавы
Къ браннолюбивой спаринѣ:
На Вѣчи Новграда и Пскова,
.
Въ походы воинства Христова
Противу сѣверныхъ Князей;
Въ пѣ дни, мечшашельно-счастливыи,
Искалъ я взглядовъ красоты,
Ей посвящаль я горделиво
Моей Поэзии цвѣпы. —
Вы помните бесѣды наши,
Какъ мы бывало, за споломъ
Роскошно пѣжимся впроемъ,
И быстро чокающя чашы,
И пьемъ, и споримъ, и поемъ;
Тогда воспорженъ передъ вами,
Чью душу я богошворилъ,
Чье имя я произносилъ
Благоуханными успами?
Она мой Ангель. Гдѣ жъ она? —
Теперь, друзья, иное время:
Не пьяной сладоспью вина
Мы услаждаемъ жизни бремя;

Теперь не праздничаемъ мы, —
 Богаты важными прудами,
 Не долго спимъ; порою шмы
 Вспаемъ по ушпру съ пѣснями;
 Минувшихъ лѣтъ во глубинѣ
 Слѣдимъ великія державы,
 Дѣла ихъ въ мирѣ и войнѣ,
 Ихъ образованность, ихъ нравы,
 Ихъ управленіе, успавы,
 Волненья бурныя умовъ,
 Торговлю, силу и боговъ,
 Причины бѣдъ, причины славы; —
 Мы по наукъ мудрецовъ
 Свободно хвалимъ, порицаемъ,
 Не любимъ, любимъ, и порой
 Скрижали древности съдой
 О настоящемъ вопрошаемъ.
 Рабоша здравая! на ней
 Душа прямилась, крѣпнеть воля
 И наша собственная доля
 Опредѣляется видѣй! —
 Такъ мы готовимся, о други!
 На доспыхвальныя заслуги
 Великой родины своей;
 Намъ поле свѣшное открыто

Для думъ и подвиговъ благихъ,
 Желаній полны мы живыхъ,
 Въ спранѣ мы дышемъ знаменишой,
 Мы ей гордимся; покажи
 Въ лиспахъ чужихъ быпописаній
 Рядъ благороднѣйшихъ дѣлій!
 Жестоки наши мяпежи,
 Кровавы, долги наши брани;
 Но въ нихъ является вездѣ
 Народъ и смѣлый и могучій,
 Неукротимый во враждѣ,
 Въ любви и пвердый и кипучій.
 Такъ съ поей години, какъ Царямъ
 Покорна съверная сила,
 Въковъ по лдянымъ спененямъ
 Россія бодро восходила;
 И днесъ красуется она
 Добромъ и чеснѣю военной:
 Давно ли наши знамена
 Освободили полвселенной?
 О! разучись моя рука
 Владѣть спрунами вдохновеній,
 Не удоснойся я вънка
 Въ алмазномъ храмѣ пѣснопѣній,
 Холодный въшеръ суешы

Надуй и мчи мои въсприла
 Подъ океаномъ шемнопы
 По ходу блѣднаго свѣшила,
 Когда умалился во мнѣ
 Сей неба даръ благословенный,
 Сей пламень чистый и священный, —
 Любовь къ родимой споронѣ!

Во прахъ надежды мелочныя,
 И дѣлъ и мыслей мишура!
 У насъ надежды золошныя
 Сердца насыпишь молодыя
 Дѣлами честны и добра!
 Чшо имъ обычная шревога
 Въ извѣстномъ морѣ бышя?
 Во имя родины и Бога
 Онѣ исполняшся, друзья!
 Ладьи, гонимыя въспрами,
 Безвѣсныя гибнутъ средь зыбей,
 Когда спаница кораблей,
 Шума обширными крылами,
 Ряды бушующихъ валовъ
 Высокой грудью раздвигаетъ
 И въ край родимый прилепаетъ
 Съ богашивомъ дальнихъ береговъ!

1826. Д.

РАЗСВѢТЪ.

Не полонъ нашъ разгулъ, не конченъ пирь
 ночной,
 Не всѣхъ насъ обошелъ звукъ пѣсни круговой,
 Не всѣмъ поднесены привѣшпвенныя чаши;
 Смѣлѣй и радоспнѣй заблещушь взоры наши,
 Смѣлѣй и радоспнѣй воспламенишся умъ;
 Шумнѣе закипятъ избыткомъ чувствъ и
 думъ
 И разбушующся живыя наши рѣчи. —
 Но вопшь, злашаго дня воздушные предшечн,
 Краснѣющъ облаковъ прозрачныя струи.
 Покнишемъ шумъ суспъ, поварищи мои,

Прервемъ брянчанье чашъ и пѣсни удалыя!
 Туда, гдѣ небеса просторнѣй голубыя
 И солнечный восходъ пышнѣе изъ-за горъ
 Надъ скапами лѣсовъ и купама озеръ,
 Туда, на высь холма! Тамъ, упренней прохлады
 Въ живипельныхъ волнахъ омоемъ наши

взгляды;

Горячія успа и груди освѣжимъ.
 Пойдемъ, поварищи! Опполю мы узримъ,
 Какъ съ розовымъ лицомъ, съ веселыми
 очами,

Передъ широкими своими зеркалами,
 Воспочной роскошью и нѣгой убрана,
 Красуешся земля, воспавшая опъ сна.

1830. М.

ПОЭТЬ.

Искашь ли славнаго вѣнца
 На полъ рабскихъ соспязаній,
 Тревожа слабыя сердца,
 Сбирая нищенскія дани?
 Сія народная хвала,
 Сей говоръ близкаго забвенья,
 Вознаградить ли Музъ пѣнья
 Ея священныя дѣла?
 Кто ихъ поспигнешъ? Геній вспыхнешъ —
 Толпа любуешся на свѣтъ,
 Шумипъ, шумипъ, шумипъ — зашихнешъ:
 И эпо слава нашихъ лѣтъ!

Такъ мыслишь юноша - поэтъ,
 Пока въ душѣ его желанья
 Мелькаютъ, темныя какъ сонъ,
 И швердый гласъ самосознанья
 Не возвѣспилъ ему, кто онъ.
 И вдругъ, надеждой величавой
 Свои предвидя поржеспва,
 Безпечный — право иль не право
 Его привѣспивуешь молва —
 За независимую славою
 Пойдешь любимецъ божеспва;
 Въ немъ гордоспъ смѣлая проспнется:
 Свободенъ, весель, полонъ силъ,
 Орелъ великій вспрепененся,
 Расширишь крылья и взовьется
 Къ безмерпной обласпи свѣспилъ! —

1824. Д.

ПЛОВЕЦЪ.

Нелюдимо наше море,
 День и ночь шумишь оно;
 Въ роковомъ его просторѣ
 Много бѣдъ погребено.

Смѣло, брашня! Въспромъ полный
 Парусъ мой направилъ я:
 Полепишь на скользки волны
 Быспрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнеть въперъ, зыбь чернѣй,
Будеть буря: мы поспоримъ
И помужеспвуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердинный вспанетъ,
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не пемнѣютъ неба своды,
Не проходитъ пишина.

Но шуда выносятся волны
Только сильнаго душой!...
Смѣло, братья, бурей полнѣй
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

1829. С.

ЕВПАТІЙ.

«Ты знаешь ли, випись, ужасную вѣсть? —
Въ Рязанскія степны вломились Татары!
Тамъ сильные долго сшибались удары,
Тамъ долго сражалась съ насилемъ честьъ,
Но все побѣдили Башыевы рапи:
Нашъ градъ пепелице и Князь нашъ убитъ!»
Евпатію блѣдный гонецъ говоритъ,
И спрашно блѣднѣя, внимаютъ Евпатій.

«О випись! я видѣлъ сей день роковой:
Багровое пламя весь градъ обхватило,

Какъ башня спрямилось, какъ буря завьло;
 На спогнахъ смертельный свирьспововаль
 бой,

И крики послѣднихъ моливъ и проклятій
 Въ дыму заглушали звенящій булашъ —
 Все пало... и небо спертьмо сей адъ!»
 Ужасно блѣднѣя, внимаешъ Евпашій. —

Гдѣ - гдѣ по широкой долинь огонь
 Сверкаешъ во мракѣ ночнаго шумана:
 То грозная рать Побѣдипеля-Хана
 Покоишся; пиши вопиель и конь;
 Лишь изрѣдка, черной превожимый грезой,
 Тапаринъ въ просонкахъ съ собой говоритъ,
 Иль вздрогнувъ, безмолвный, поднимешъ свой
 щипъ
 Иль схвашишь свое боевое желѣзо.

Вдругъ... что шамъ за попошъ въ ночной
 тишинѣ?
 « На битву, на битву! » зываютъ Тапары.
 Откуда жъ сверцишель опчаянной кары?
 Не все ли погбло въ крови и въ огнѣ?

Опчизна, опчизна! подѣ лапами чешпи
 Есть сильное чувствво, живое, одно...
 Полмертшаго руку подѣмешъ оно
 Съ послѣднимъ ударомъ рѣшишельной меспи.

Не синее море кипишь и шумишь,
 Почуя незапный набѣгъ урагана:
 Шумяшь и волнуешься ратники Хана;
 Оружіе блещешъ, труба дребезжишь,
 Толпы за толпами, какъ пучи гуспыя,
 Дружину отважныхъ спѣсяюшь крутомъ;
 Спо копій сражаюшся съ Русскимъ коньемъ...
 И пало геройштво подѣ силой Башыя.

Рѣдешъ ночнаго шумана покровъ,
 Ушихла долина убійштва и славы.
 Кшо сей на долинь убійштва и славы
 Лежишь, окруженный пѣлами враговъ?
 Успа ужъ не кличущъ безшрепенныхъ
 брашій,
 Ужъ кровь запеклася въ опверспіяхъ лапъ,
 А длашъ еще держишь кровавый булашъ:
 Сей надній вопиель свободы — Евпашій! —
 1824. Д.

МУЗА.

Богиня спрунь пережила
Боговъ и грома и булапа;
Она прекрасныхъ рукъ въ оковы не дала
Въкамъ пиранспва и развратпа.
Они приими; повсюду смерпъ и брань,
Въ вѣнцъ раскованная сила,
Ея безсовѣстная длапъ
Алпарь изящнаго разбила;
Но съ праха рушенныхъ громадъ,
Изъ тишины опуспоенья,
Возспалъ — величеспвенъ и младъ —
Безсмерпный Ангелъ вдохновенья.

1824. Д.

КЪ А. Н. В-У.

Скажу ль шебъ — кого люблю я,
Куда лепяптъ мои мечпы
То занывая, по ликуя
Среди полночной шемнопы?
Она — души моей царица —
И своенравна и горда;
Но, при очахъ ея, денница
Обыкновенная звѣзда.
На взоры спраспные, на слезы
Она безчувспвенно глядиптъ;
Но пламенны младыя розы
Ея заспѣчивыхъ ланиптъ.

Ее жестоко осуждаютъ:
 Она проспа, она пуста;
 Но эти перси и уста,
 Чего жъ они не замѣняютъ? —

1825. Д.

МОЕ УЕДИНЕНІЕ.

Опять свѣта вдалекъ,
 Я моему Пенану
 Нашель проспую хату
 Въ пуспъшиномъ чердакъ;
 Здѣсь льспница крушая,
 Со вехода по спѣнѣ
 Улипкой завиная,
 Въ попмахъ ведепѣ ко мнѣ:
 Годовъ угрюмый Геній
 Съ нея перилы снялъ,
 И пияжкія спупени
 Избилъ и раскачалъ;

Но зная путь Парнасской
 Ошг колыбельныхъ лѣнъ,
 Съ ея вершины пряской
 Не падаешь Поэшь;
 Подъ нимъ дрожатъ спунени
 И шма со всѣхъ споропъ,
 Но вѣрно ходишь онъ
 Къ своей любимой сѣни.

Благодарю боговъ!
 Въ моемъ уединеньѣ
 Свобода — рай пѣвцовъ,
 Живое размышленье
 И пищина прудовъ.
 Умѣренность благая
 Приютишь мой убрала,
 Здѣсь роскошь выписная
 Приема не нашла;
 Завѣсою богатою
 Не занавѣшенъ свѣтъ,
 Поль шашкой и покапой
 Коврами не одѣтъ;
 Ни бронзы драгоцѣнной,
 Ни зеркаль, ни карпинъ:
 Все бѣдно и смиренно,
 Какъ сирый Фсбовъ сынъ.

У спѣнки некрасивой
 Споишь мой споль проспой,
 Хранишель молчаливой
 Всего, что Геній мой,
 Мечшатель говорливой,
 Досужною порой,
 Пѣвцу - Анахорету
 Наединъ внушилъ
 И строго запренилъ
 Казать слѣпому свѣту;
 Предъ нимъ моя рука,
 Широкими рядами,
 Изъ полокъ, межъ спѣнами
 И вверхъ до пошолка,
 Приютишь уединенный
 Соорудила вамъ,
 О Русскія Камены,
 Священныя вѣкамъ!

Ты здѣсь, во славу зримый,
 Снѣговъ полярныхъ сынъ,
 Пѣвецъ непобѣдимый
 И Геній — Исполнитъ,
 Опважный, какъ свобода,
 И быстрый, какъ перунъ,

Ты спросишь, какъ природа,
Какъ небо, вѣчно юнъ! —

И ты, кумиръ поэма!
Съ высокою душой,
Какъ яркая комета,
Горящей полосой
На Русскомъ небосклонѣ
Возникшій въ дни побѣдъ
И мудрую на провъ
Прославившій поэма!
Твой голосъ величавый
Гремишь изъ рода въ родъ
И вѣчно не замрешь
Въ успахъ полночной славы. —

И ты, любимый сынъ
Фантазій чудесной,
Пѣвецъ любви небесной
И свѣрныхъ дружинъ,
То нѣжный и прекрасный,
Какъ сердца первый жаръ,
То смѣлый и ужасный,
Какъ мщенія ударъ!
Твой гласъ душъ унылой,
Какъ Ангела привѣтъ,
Внушаешь пайной силой

Надежду въ морѣ бѣдъ;
Въ страдалицѣ оживляешь
Покорносшь небесамъ, —
И грустный забываешь,
Что онъ еще не памъ!

Питомцы вдохновенья!
Вы здѣсь, — и Геній мой
Мірскаго наслажденья
Съ мірскою суепою
Презрительно бросаешь
Предъ Музою во прахъ,
И зря, какъ васъ вѣнчаешь
Безсмертіе въ вѣкахъ,
Приподнимаешь крылы
И чувствуешь въ крылахъ
Торжественныя силы.
Счастливъ, кто жребій свой
Изъ урны роковой,
Самъ избиралъ и вынулъ,
И шумный свѣтъ покинулъ
Для неизмѣнныхъ благъ!
Умѣреннымъ богатымъ,
Въ пищи укромною хапы,
Въ спасительныхъ прудахъ
Онъ дни свои проводишь

Съ волшебницей мечпой;
 За славою не ходишь
 И не знакомъ съ молвой.
 Безвѣстность золотая
 Хранишь его опъ бѣдъ,
 И ласковая спая
 Докучливыхъ суепъ
 Непужнаго для свѣща
 Не вызоветъ на свѣщъ.
 О боги! кровь поэта
 Да будетъ вѣчно пихъ!
 Я не ищу формуны,
 Ни почестей мѣрскихъ:
 Труды, безвѣстность, спруны -
 Блаженство дней монхъ!
 А пы, моя свобода,
 Храни души покой!
 Мнѣ Музы и природа
 Прекраснѣе съ побой;
 Съ побой мечпы живѣе,
 Опважнѣй думъ полешъ,
 И пѣснь моя звучнѣе;
 Съ побойю — я поэтикъ!

1825. Д.

И. В. К.

Щеки нѣжно пурпуровы
 У прелестницы моей;
 Золотисты и шелковы
 Пряди легкія кудрей;
 Взоръ привѣпливо сіяетъ,
 Разговорчивы уста;
 Въ ней красуется, играетъ
 Юной жизни полноца!
 Но ея, на ложе ночи,
 Мой товариць, не зови!
 Не цѣлуй въ лазурны очи
 Поцѣлуями любви:

Въ нихъ огонь очарованій
 Носить дѣва-красоша;
 Упоительныхъ лобзаній
 Не вливай въ свои уста:
 Ими пѣгу въ сердца вдуешь,
 Мглу на разумъ наведешь,
 Заблудешь, околдуешь
 И далеко унесешь!

1851. М.

КУБОКЪ.

Восхипительно играетъ
 Драгоценное вино!
 Спѣжной пѣною вскипаетъ,
 Златомъ искрится оно!
 Услаждающая влага
 Оживишь себя всего:
 Всыхнуешь радость и опвага
 Блескомъ зора швоего;
 Самобытными мечтами
 Загуляетъ голова,
 И, какъ волпы за волпами,
 Изъ души польются сами

Вдохновенныя слова;
 Спроенъ, пышенъ, мѣръ житейской
 Развернешя предъ побой...
 Много силы чародѣйской
 Въ эпой влагъ золошой!

И любовь развеселяетъ
 Человѣка, и она
 Живошворно въ немъ играетъ,
 Спошь же сладосшно-сильна:
 Въ дни прекраснаго разцвѣша
 Поэтическихъ заботъ,
 Ей дѣшельность Поэша
 Дани дивныя несетъ;
 Молодое сердце бьется,
 То припахнетъ и дрожитъ,
 То проснетъ, встрепенетъ,
 Словно выпорхнетъ, взовьется,
 И куда-шо улетитъ!
 И, послушно, нмѣ дѣвы
 Спаенъ въ лики звучныхъ словъ,
 И сроднясь съ нимъ напѣвы
 Вѣчно — памятныхъ спиховъ!

Дѣва - радость, величайся
 Рѣдкой славою любви,
 Настоящему вѣряться
 И мгновенія лови!
 Горделивый и свободный,
 Чудно пьянствуетъ Поэтъ!
 Кубокъ взялъ: душъ угодны
 Эпошь образъ, эпошь цвѣтъ;
 Съль и налимъ; ихъ ласкаетъ
 Взоромъ, словомъ и рукой;
 Съ разу кубокъ выпиваетъ
 И высоко подымаетъ,
 И надъ буйной головой
 Держитъ. Рѣчь его спрунися
 Безмяшежно - весела,
 А въ рукъ еще таитъ
 Жребій брэннаго спекла!

1831. М.

ПѢСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА.

(Въ Альбомѣ А. А. Воейковой.)

Мы бились мечами на чуждыхъ поляхъ,
Когда, горделивый и смѣлый какъ дѣды,
Съ дружиной героевъ искалъ я побѣды.
И чести жить славою въ грядущихъ вѣкахъ.
Мы бились жестоко: враги передъ нами,
Какъ нива предъ бурей, ложилися въ прахъ;
Мы грады и села губили огнями
И Скалды насъ пѣли на чуждыхъ поляхъ.

Мы бились мечами въ попь день роковой,
Когда, побѣдивши морскія пучины,

Мы вышли на берегъ Гензинской долины
И встрѣчены грозной, неожиданой войной.
Мы бились жестоко: какъ мы, удалые,
Враги насъ пѣснили полпа за полпой;
Ихъ кровью намокли поля боевыя, —
И мы побѣдили въ попь день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
Когда я, опважный попомокъ Одина,
Принесъ ему въ жерпву врага-исполнина,
При громѣ оружія, при свѣпъ луны.
Мы бились жестоко: сѣкирой спальнойю
Разилъ меня дикій пипомецъ войны;
Но я разрубилъ ему шлемъ съ головою, —
И мы побѣдили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынамъ
Оспавилъ я броню и щипъ мой широкій,
И бранное знамя, и шлемъ мой высокій,
И мечъ мой, ужасный далекииъ спранамъ.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Попомки, опвагой подобные намъ,
Развѣсяпъ кольчуги съ щипами, съ мечами,
Въ черпюгахъ опщовскихъ на память сынамъ
1824. Д.

КАМБИ.

Тамъ, гдѣ внизу горы, извивистый ручей
Въжипъ и пѣвнися межъ горами корней;
Гдѣ горныхъ береговъ съ песчаного уступа
Склонилася къ нему березъ и елей купа
И зыбкимъ пологомъ, широкимъ и густымъ,
Многовъзвисялая раскинулася надъ нимъ;
Тамъ, въ шѣ часы, когда присихнушъ лѣсъ
и воды,

Когда на ясныя, лазоревые своды
Серебрянымъ шаромъ покашится луна
И ночь весенняя, прохладна и пѣжна,

Одѣнешъ берега въ свой сумракъ сладос-
спраспный

И юноша поидеть къ любовницѣ прекрасной
По чупкому пуши, на шайный счастья мигъ,
Неся ей бурный жаръ объятый молодыхъ,
Горячія уста и огненные очи, —
Тамъ, въ безмятежное, святое царство
ночи,

Похипившій себя у множества суепъ,
У брашій и вина, у праздничныхъ бесѣдъ,
У шума вольницы и лѣни просвѣщенной, —
Я, полонъ сладкихъ думъ, бродилъ уеди-
ненный;

Тамъ часно я ввѣрлялъ безмолвію лѣсовъ
Гармонію побой наспроенныхъ спиховъ,
Тобой, красавица, хранипельный мой Геній,
Свѣшило ясныхъ дней, приволье вдохновеній!
Ты первая меня Поэтомъ назвала:
Какъ сильно грудь моя сей голосъ поняла,
Твой голосъ творческой; — младыя силы
вспали,

Преобразился я и очи засверкали!...
Но юныя лѣша — прелестный, дивный сонъ,
Мой быспрый сонъ — прошли. Предъ новый
небосклонъ

Я перенесъ права студентскаго досуга;
 Могу, сжимая длань товарища и друга,
 Воспоргомъ оживить безпечное чело —
 И разомъ свѣтлую надежду на голо!
 Могу возобновлять пиры мои ночные...
 Придушь, усядешься гуляки удалые,
 Вино заискришся въ спаканѣ круговомъ,
 Бесѣда запоетъ, веселая виномъ...
 Но ша миувшихъ лѣтъ божественная доля,
 Та радость и печаль, ша вольность и не-
 воля,
 Чѣмъ сердце и кипитъ и спынетъ вновь
 и вновь,
 Ликуешь, нѣжишься, бѣснуешься — любовь
 Не дастъ мнѣ прежнихъ думъ и чистыхъ
 наслаждений.
 Благословляю жъ васъ, развѣсившья пѣвни,
 Васъ, мирны берега подгорнаго ручья,
 Гдѣ подъ звѣздой любви, Поэзія моя
 Въ уединеніи счастливымъ, развивалась,
 Дышала свѣжестью, цвѣла и красовалась;
 Тебя, кѣмъ полонъ сей признавательный мой
 масъ;
 Вы, добрые мои, — благословляю васъ!
 1831. М.

ЭЛЕГІЯ.

Ты восхищительна! пы пышно разцвѣ-
 шаешь —
 И это чувствуешь — и гордо щеголяешь
 Сафирами швоихъ возвышенныхъ очей,
 И пурпуромъ ланишь, и золошомъ кудрей,
 И перлами зубовъ, и грудью лебединой,
 И спана полношой, и поспуью павлиной.
 Опчаянье подругъ и чудо красоты!
 Скажи, кого зовешь, чего желаешь пы
 Порой, какъ въ пининѣ, благословеньемъ
 ночи
 Смежаются швои лазоревья очи,

Какъ пайныя мечпы не дремяють — и
любовь

Воспламеняеть ихъ и гасить вновь и вновь?

Я знаю: это онъ, младый и чернобровый,
Прекрасный дѣвственникъ, надменный и
суровый;

Имъ соблазнимась ты. Онъ маніемъ руки

Смиряеть конскіе разбѣги и прыжки;

Онъ мѣшко боевымъ булашомъ управляетъ,

И въ часть, какъ хладными лучами осыпаетъ

Полночная луна недвижимый заливъ —

Онъ, смѣлая спопы желѣзомъ окриливъ,

Одинъ, на звонкомъ льду, межъ сонными
брегами,

Летаетъ съ края въ край проворными
крутами.

О немъ мечпашь ты, швой беззгрѣшный
сонъ

То нѣжно скрашенъ имъ, шо жарко возму-
щенъ:

Чело швое горитъ, и вздохи грудь волнуяють,

И воздухъ — медленно успа швои цѣлюють!

1829. С.

ПАМЯТИ А. Д. МАРКОВА.

Кипящъ и блещущъ Фински волны

Передъ могилою швоей;

Широкимъ пологомъ надъ ней

Склонили сосны, мрака полны,

Печальный шумъ своихъ вѣшвей:

Такъ жизнь плѣнительнымъ волненьемъ

Въ шебѣ китѣла молодомъ;

Такъ ты блиспалъ своимъ умомъ,

И самобышнымъ просвѣщенемъ,

И поэшическимъ огнемъ.

Но рано, рано годы злые
Тебя наспигнули полпой —
И темны спали надъ побой,
Какъ эши сосны гробовья,
Угрюмой движимы грозой.

Цѣпами нуждъ обремененный,
Безъ друга въ горѣ и слезахъ
Погибъ ты... При чужихъ водахъ
Лежишь, безгласный и забвенный,
Многоспрадальческій швой прахъ.

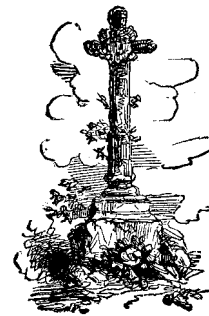
О! мнѣ ль забыть тебя! какъ сына,
Любилъ ты опрока меня;
Ты предузналъ, кшо буду я,
И чшо прекраснаго судьбина
Мнѣ дасшь на подвигъ бытія!

Твои радушныя заботы
Живое чувствво красоты
Во мнѣ пишали; нѣжно ты
Лелѣялъ первые полѣшны
Едва проснувшейся мечшы.

Лѣта прошли. Не камню предаль
Ты съмена благихъ шрудовъ:
Для свѣтлой жизни я гошовъ,
Я сердцемъ пламеннымъ увѣдалъ
Музыку мыслей и стиховъ!

Прими жъ привѣтъ мой благодарный;
За мною много красныхъ дней,
Блеспящихъ въ памяти моей,
Какъ образъ мѣсяца январный
Въ спеклѣ играющихъ зыбей!

1829. С.

ПОЖАРЪ.

А. П.

Ты помнишь ли, какъ мы на праздникъ
ночномъ,
Уже веселье и шумные виномъ,
Уже пѣвучіе и свѣшлые, кругами
Сидѣли у стола, построеннаго нами?
Уже въ поржешвенный и дружескій нашъ
хоръ
Порой заносчивый вривался разговоръ;
Уже, осушены за Русь и сходки наши,
Высоко надъ столомъ соспукивались чаши,
И разомъ кинушы всей силою плеча,
Скакали по полу, дробясь и брэнча;

Воспоргъ, привѣшы, споръ, и крикъ, и
рукожапья!

Разгуливались мы, поварищи и братья!

Вдругъ — освѣпило насъ; шревожные веша-
емъ;

Такъ, эпо не заря. Воспокъ не шамь!

Идемъ.

Каршина пышная и грозная предъ нами:

Подъ громоносными ночными облаками,

Полнеба заревомъ багровымъ обхвапивъ,

Шумѣль и выль огня блиснапельный раз-
ливъ.

Въ попь часъ, дрожащая на рѣзкомъ въпрѣ
ночи,

Она, красавица — лазоревья очи —

Чье имя ужъ давно, по спогнамъ и садамъ,

Въ пригѣвахъ удалыхъ сопущепвовало намъ,—

Глядѣла, какъ ея свѣшлицу охраняя,

Другъ другу хладную волну передавая,

Усердно юноши рабопали. Въ попь часъ

Могущеспво любви позналъ я въ первый
разъ.

Какъ быспро все мои надежды закинѣли!

Какъ весело мечпы взвились и полешѣли,

Младья, вольныя, Богъ вѣдаетъ куда!

О! будь плѣнительна и радостна всегда
 Та, чей небесный взоръ меня, во дни былые,
 Соблазнами любви очаровалъ впервые!
 Какъ прежде, будь ясна лазурь ея очей!
 Какъ прежде, бѣлизну возвышенныхъ груди
 Спирями локоны златыми осыпайте!
 Ланипы и усна, цвѣтнице и пылайте!
 Пуспъ дѣвственникъ ее полюбипъ молодой,
 Цвѣшущій здравіемъ, и силой, и красой —
 И нѣжная падеть могучему въ объятія,
 И всѣхъ забудетъ насъ, поварищи и братья!...

1851. М.

ЭЛЕГИИ.

1.

Свободенъ я; уже не пращу
 Ни дня, ни ночи, ни стиховъ
 За милый взглядъ, за пару словъ,
 Мнѣ подаренныхъ на удачу
 Въ часы бездушныхъ вечеровъ;
 Мои свѣпльютъ упованья,
 Печаль опъ сердца отошла
 И съ ней любовь: пакъ паръ дыханья
 Слепашетъ съ чистаго стекла!

2.

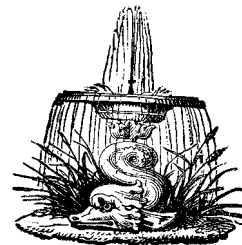
Я зналъ живое заблужденье,
 Любовь пѣвала я; были дни —
 Теперь умчались они,
 Теперь клянущая волнение,
 Ея блудящія огни.
 Я понималъ въпренность прекрасной,
 Пустые взгляды и слова —
 И въ сердцѣ стихнулъ жаръ опасной
 И не кружился голова:
 Гляжу съ улыбкою, какъ прежде,
 Въ глаза кумиру моему;
 Но я не вѣрую надеждѣ,
 Но я молюся — не ему!

3.

Моя Камена ей пѣвала,
 Но сила взоровъ красоны
 Не мучила, не улаждала
 Моей надежды и мечны,

Но чувства пылаго, живаго —
 Любви, не зналъ я; шакъ волна
 Въ лучахъ свѣшила золошаго
 Блеспишь, кипишь — но холодна!

1824. Д.

ПРОЩАНІЕ СЪ ЭЛЕГІЯМИ.

Прощайше, миленькія бредни
И мой почтенный идеаль!
Не первый я, не я послѣдній
Васъ и шворилъ и прославлялъ,
Но первый я васъ разгадалъ.
Мнѣ будетъ сладко и ушъшно
Въ другіе годы васъ чипашъ,
Мой жаръ безумный и безгръншой —
Мою любовь воспоминашъ;
Тогда съ улыбкою унылой
На ваши спроки посмошрю
И мошлю: Господи помилуй!
И шихо книгу зашворю. —
1824. Д.

КЪ НЯНЪ А. С. П - А.

Васильевна, мой свѣшъ, забуду ли шебя?
Въ шѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
Я покидалъ для ней и славу, и науки,
И Нѣмцевъ, и сей градъ Профессоровъ и
скуки;
Ты, благодатная хозяйка съни шой,
Гдѣ П.....ъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ
измѣны,
Священнодѣйствоваль при алшарѣ Камены,—
Всегда привѣшнами сердечной доброшы,
Вспирѣчала шы меня, мнѣ здравшвовала шы,

Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зносмъ
лѣша ,

Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта
И мнѣ сопустшвовалъ пріятель давній швой,
Ареевыхъ наукъ ппомощь молодой.
Какъ сладосшно швое свяшое хлѣбосольство
Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство;
Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ
лѣшь —

Ты набирала намъ запѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ, и брашна подавала,
И сопы, и плоды, и вина уславляла
На милой шѣсношѣ шпариннаго спола!
Ты занимала насъ — добра и весела —
Про шпародавнихъ баръ плѣнительнымъ
разказомъ:

Мы удивлялися почпеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили шевъ — и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхипростныхъ суждений и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотной —
И легкіе часы лепали беззаботно!

1826. Д.

ЛИВОНІЯ.

Не встанешъ ты изъ вѣковаго праха,
Ты не блеснешъ подъ знаменемъ креспя,
Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха,
Ливоніи прекрасной красопа!
Прошла пора швоихъ завоеваній,
Когда въ огняхъ шревоги боевой,
Вожди побѣдъ, смиришели Казани,
Смирялися, блѣднѣя, предъ шобой!

Но шницина постыднаго забвенья
Не все, не все у славы опняла:

И черныя дѣла опуспошенья,
 И доблести возвышенной дѣла
 Они живутъ для музы пѣснопѣнья,
 Для гордости Поэтова чеда! —

Рукою льпѣ разбишья громады,
 Гдѣ бранная воспивывалась честь,
 Гдѣ споржесиво не вѣдало пощады
 И грозную разгорячало мечь —
 Несмѣлый внукъ Ливонца удалаго
 Глядишь на вашъ краснорѣчивый прахъ...
 И нѣшь въ груди волненія живаго,
 И нѣшь огня въ безмысленныхъ очахъ!

Таковъ ли взоръ любимца вдохновенья,
 Въ душѣ его шакая ль пишина,
 Когда ему, подъ рубищемъ забвенья,
 Является свящая спарина!
 Исполненный божественной опрады,
 Онъ зришь въ мечпахъ минувшия вѣка;
 Душа кипишь; горяшь, яснѣюшь взгляды...
 И падаешь къ спрунамъ его рука.

1824. Д.

СОМНѢНІЕ.

====

Когда зовушь меня Поэпомъ
 Уста ровесницы Харипъ,
 И соблазнительнымъ привѣтомъ
 Она мечпы мои живишь;
 Когда душѣ моеѣ опасенъ
 Любви могущественный жаръ —
 Я молчаливъ, я не согласенъ,
 Я берегу небесный даръ...
 Избранникъ бога пѣснопѣнья,
 Надменно чувствую, кпо я,
 Означу ль свѣтомъ вдохновенья
 Просную жажду наслажденья,

Безумный навекъ бытія?
 Сей міръ Поэзіи обычной —
 Онъ пѣсенъ славъ: міръ иной,
 Свободный, свѣтлый, безграничной,
 Какъ рай, лежишь передо мной! —

1826. Д.

ПЛОВЕЦЪ.

Воюють волны, скачутъ волны!
 Подъ тяжелымъ плескомъ волнь
 Прямо стонитъ нашъ парусъ полный,
 Быстро мчится легкой челнь
 И расплываешь волны,
 И скользишь по склонамъ волнь!

Ихъ, порывами вздувая,
 Буря гонитъ рядъ на рядъ;
 Разгулялась волновая;
 Буйны головы шумящъ,

Другъ на друга набѣгая,
Опшибаяся назадъ!

Но гядише: передъ нами,
Вдоль по темнымъ облакамъ,
Разноцвѣтными зарями
Опливаясь памъ и памъ,
Золотыми полосами
День и небо свѣпяшь намъ.

Пронесися мракъ ненастный!
Возсия лазурный сводъ!
Разверни свой день прекрасный
Надо вѣтъ проспоромъ водъ:
Смолкнушь бездны громогласны,
Ихъ волненіе падешъ!

Блещущъ волны, плещущъ волны!
Подъ спекляннымъ брызгомъ волнъ
Прямъ спонитъ нашъ парусъ полный,
Быспро мчится легкой челиъ,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонамъ волнъ!

1851. М.

Е. А. Т-Й.

Молодая ученица
Беззаботнаго жишья,
Буйныхъ праздниковъ пѣвица,
Муза рѣзвая моя,
Ярки очи попушляя,
Вольны кудри поправляя,
Чинно кланяеся вамъ:
Эпо даръ ея заздравный
Вашей музѣ благодравной,
Вашимъ сладоспнымъ спихамъ!

Прелестъ вашихъ пѣснопѣній
 Въ неземное бытіе,
 Въ рай чистѣйшихъ вдохновеній
 Заманила вновь ее.
 Эпопѣ міръ воспорговъ дивныхъ,
 Тихихъ, пайныхъ, заунывныхъ,
 Независимо живой,
 Міръ, гдѣ пѣжались Поэты
 Недовольные землей —

И она его знавала
 Тамъ, подъ небомъ прошлыхъ дней, —
 И она его пѣвала
 Ради брашій и друзей,
 Громко ей рукоплескавшихъ,
 Ей радушно повѣрявшихъ
 Чувства юныя свои,
 Томны сны и сладки муки
 Умилительной разлуки
 И несбыточной любви. —

Эпопѣ міръ полнѣе и краше,
 Чѣмъ житейскій, но его

Упоилъ я въ шумной чашѣ
 Просвѣщенья моего! —
 И въ раздольи нашихъ оргій,
 Молодецкіе воспорги
 Муза рѣзвая моя
 Неприпворно полюбила:
 Молодую соблазнила
 Вольность брагскаго жипья!

Съ той поры она гуляла,
 Наслаждалась на обумъ,
 Словно прежде не знавала
 Скромныхъ чувствъ и лучшихъ думъ....
 Прелестъ вашихъ пѣснопѣній
 Жажду чистыхъ вдохновеній
 Пробудила снова въ ней. —
 И красавицъ удалой
 На гупбицѣ грустно спало:
 Жаль невинности своей!

1832. М.

УТРО.

Пурпурово-золотое
На лазурный неба сводъ
Солнце въ царственномъ покоѣ
Лучезарно восплаещъ;
Ночь сняла свои шуманы
Съ пробудившейся земли;
Блескомъ упреннымъ поляны,
Лѣсъ и холмы разцвѣли.
Чу! какъ ярко и проворно,
Вонъ за эпою рѣкой,
Повпоряещъ опзывъ горной
Звукъ волынк иполевой!

Чу! скрипящъ ужъ ворошами,
Выѣзжая изъ села,
И дробится надъ водами
Плескъ рыбачьего весла.

Ранній свѣтъ луча дневнаго
Озарилъ мой пайный путь;
Сладко воздуха лѣснаго
Холодъ мнѣ спруишся въ грудь:
Молодая препенала,
Новымъ пламенемъ полна
Нѣжно, быспро замирала —
Ушомилася она!
Скоро ль въ царственномъ покоѣ
За далекій синій лѣсъ,
Пурпурово-золотое
Солнце скашишся съ небесъ?
Серебристыми лучами
Изукрасишъ ихъ луна,
И въ селѣ, и надъ водами
Слова пѣнь и пивниа!

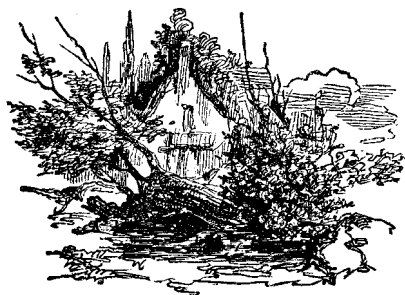
А. В. Т-У.

Какъ знать, куда моя дорога
На пайномъ поприщѣ земли?
Навѣчно ль душу мнѣ зажгли
Огни Дельфическаго бога?
Пройдушь ли съ младостью пѣвца
И сила чувствъ, и жажда славы,
Иль покоряшь меня усавы
Жены хромаго кузнеца?
Иль рокъ дѣла мои прославитъ,
Меня спокойно переправитъ
Черезъ волны жизненныхъ заботъ
И въ искушенье не введетъ,

И опъ лукаваго избавишь? —
Что будешь — будешь! но клянусь
Тѣмъ вѣчнымъ Промысломъ, шѣмъ Богомъ,
Который правитъ нашу Русь
И помогаетъ ей во многомъ:
Въ странѣ, гдѣ нравственно добра,
Всему покорна, всѣмъ довольна,
Живешь, мила и безкрамольна,
И процвѣщаетъ мишура;
Въ странѣ, гдѣ богу просвѣщенъ
Благословенный Государь
Для православнаго служенья
Поставилъ пламенный алтарь, —
Здѣсь благодѣтельные годы
Сіяли юности моей,
Здѣсь я нашелъ дары свободы,
Богиню пѣсней и друзей;
Здѣсь поэтическое пьянство,
Да мѣръ могущественныхъ думъ
Мнѣ замѣняли свѣща шумъ,
Любви воспорги и жеманство! —
Найду ль боговъ моихъ, когда
Спо страну и васъ покину,
И незнакомая звѣзда
Опредѣлитъ мою судьбину?

Но я душой не измѣнюсь :
 Священны мнѣ всегда и всюду
 Науки, слава, умъ и Русь —
 И такъ я васъ не позабуду!

1829. Д.

ЧУЖБИНА.

Тамъ, гдѣ въ блескъ горделивомъ
 Межъ зеленыхъ береговъ
 Волга вприщипъ ихъ опзывомъ
 Пѣсни радостныхъ пловцовъ,
 И какъ Нилъ-благопворишель
 На поля богатство льѣтъ, —
 Тамъ опцевъ моихъ обипель,
 Тамъ любовь моя живеть!

Я давно проспился съ вами,
 Незабвенные края!

Подъ чужими небесами
 Опцвѣщеть весна моя;
 Но ни въ громкомъ шумѣ свѣша,
 Ни подъ бурей роковой,
 Не слешинтъ со спрунъ Поэша
 Голосъ родинѣ чужой. —

Радость жизни, другъ свободы,
 Муза любвишъ мой пріюнъ.
 Здѣсь, когда брега и воды
 Подъ шуманами заснушъ,
 И какъ щипъ передъ сраженъемъ,
 Свѣшелъ мѣсяцъ золошой,
 Съ благошворнымъ вдохновеньемъ,
 Легкокрылою толпой,

Изъ спраны очарованья,
 Въ ихъ эфирной пишинѣ,
 Упѣшиштели - мечшанья
 Ниспускаются ко мнѣ;
 Предъ очами оживаетъ
 Красота минувшихъ дней,
 Сладко грудь моя вздыхаетъ,
 Сердце бешся, взоръ ясны!

Эпо шы, спрана родная,
 Гдѣ весенніе цвѣшы
 Мнѣ дарила жизнь младая!
 Край прелесный — эпо шы,
 Гдѣ видѣнемъ игривымъ
 Каждый день мой пролешалъ,
 Каждый день меня счастливымъ
 Находилъ и оспавлялъ!

Вы, холмы, лѣса, поляны,
 Скапы злчныхъ береговъ.
 И спаринные курганы —
 Памяшь смѣлыхъ праошцовъ —
 Сохраненные вѣками
 Какъ свидѣтели побѣдъ,
 Непришворными спрунами
 Васъ привѣшшпвуешъ Поэшь!

Вашъ пѣвецъ въ чужбинѣ дышинтъ
 И одинъ, во цвѣпъ дней,
 Долго, долго не услышинтъ
 Пѣсенъ Волжскихъ рыбарей.

Долго грустный проблуждаешь
 Опъ по дальнымъ споронамъ;
 Долго арфа не сыграешь
 Пѣсни радостнымъ друзьямъ.

Ты, которая вливаешь
 Огнь божественный въ сердца,
 И цвѣтами убираешь
 Кудри юнаго пѣвца,
 Радость жизни, другъ свободы,
 Муза лиры! прилепай
 И утраченные годы
 Мнѣ въ мечтахъ напоминай!

Муза лиры! ты прекрасна,
 Ты мила душѣ моей;
 Мнѣ съ побою не ужасна
 Буря свѣта и спрашей.
 Я горжусь твоимъ участьемъ;
 Ты чаруешь жизнь мою, —
 И забытый рано счастьеемъ,
 Я утѣшенъ: я пою!
 1823. Д.

+

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ СXXXVI.

Въ дни плѣна, полные печали
 На Вавилонскихъ берегахъ,
 Среди враговъ, мы возсѣдали
 Въ молчаньи горькомъ и слезахъ;
 Тамъ вопрошали насъ шираны,
 Почпо мы плачемъ и грусимъ.
 « Возьмите гусли и пимпаны
 И пойте вашъ Ерусалимъ.»
 Нѣтъ! Свяшо намъ воспоминанье
 О славной родинѣ своей;
 Мы не дадимъ на посмѣянье
 Высокихъ пѣсень прошлыхъ дней!

Твои, Сіонъ! онъ прекрасны!
 Въ нихъ умъ и звукъ любимыхъ спрашь!
 Порвипись спруны сладкомасны,
 Разбейся звонкій мой пинпашъ!

Окаменій языкъ лукавій,
 Когда забуду грусть мою,
 И пѣсь опечесивенной славы
 Ея губителямъ спою.

А Ты, среди огней и грома
 Намъ даровавший свой законъ,
 Напомяни сынамъ Эдома
 День, опозорившій Сіонъ,

Когда они въ весельи дикомъ,
 Убийства шумные виномъ,
 Насъ оглушали грознымъ крикомъ:
 « Все испребимъ, всѣхъ поженемъ! »

Блажень, кто смѣлоу десницей
 Оковы плѣна сокрушишь,
 Кто плачь Израиля спорицей
 На припѣснишеляхъ ошмспишь!

Кто въ домъ ширана мечъ и пламень
 И смерть ужасную внесешь,
 И съ яркимъ хохопомъ о камень
 Его младенцевъ разобьешь!

М.

МЕЧТАНІЯ.

Поэта пламенныхъ созданий
 Не бойся, дѣва; сила ихъ
 Не опучнишь пвоихъ желаній
 И не понизишь думъ пвоихъ.
 Когда въ воздушные соблазны
 И безграничныя мечпы,
 Въ шопъ мѣръ всегда разнообразный
 И полный свѣжей красопы —
 Тебя, изъ шягоспнаго мѣра
 Тѣлесныхъ мыслей и заботъ,
 Его пророческая лира
 На крыльяхъ звуковъ унесешь,

Ты беззаботно предавайся
 Очарованью швѣтому,
 Имъ сладоспратно упивайся
 И гордо радуйся ему:
 Въ шопъ часъ, какъ шы вполнѣ забылась
 Симъ шворческимъ, высокимъ сномъ,
 Ты въ божество преобразилась,
 Живешь небеснымъ бытіемъ!

1831. М.

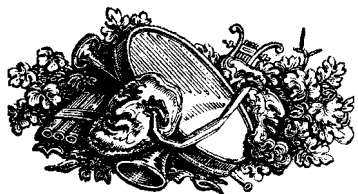

ЭЛЕГІЯ.

Прощай, красавица моя!
 Извѣспень мнѣ любимецъ нѣги,
 Съ кѣмъ на дорогѣ бытія
 Ты дѣлишь шайные ночлеги.
 Я вѣрилъ нѣжноспямъ пущымъ, —
 Я ждалъ любви и наслажденій,
 Я много свѣплыхъ вдохновеній
 Означилъ именемъ швоимъ;
 Обманушь я: иную долю
 Мнѣ Провидѣніе даетъ,
 Но.... пупникъ свищепъ и поешъ,
 Идя по сумрачному полю...

И я разсѣю грусть мою,
 Мою сердечную неволю:
 Я веселья снова и пою!

1824. Д.

КУДЕСНИКЪ.

На мѣспѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ
 дней,

Счастливыи дарами природы,
 Народъ Ярославовъ, на волю своей,
 Себѣ избираетъ и спавитъ Князей,

Полкамъ назначаетъ походы
 И жалуетъ миромъ сосѣдей-враговъ —
 Толпятся: Кудесникъ явился изъ Чуди...
 Къ нему-шо съ далекихъ и ближнихъ концовъ
 Спеклись любопытные люди.

И спаредь Кудесникъ, съ соблазномъ въ
успахъ,
Въ плоту изъ плоты переходить;
Народу о черныхъ крылашыхъ духахъ,
О многихъ и спрашыхъ своихъ чудесахъ
Твердитъ и руками разводитъ;
Священителей, церковь и святошь мощей,
Христа и Пречистую Дѣву поноситъ;
Онъ сдѣлаешъ чудо — и добрыхъ людей
На чудо пожаловать проситъ.
Онъ сладко, хитро пражнословитъ и лжетъ,
Смуцаешъ умы и морочитъ:
Ужъ онъ-то похвѣшилъ великій народъ,
Ужъ онъ-то Кудесникъ черезъ Волховъ поидешъ
Водой — и ноги не замочитъ.
Вопшъ вышелъ Епископъ Феодоръ съ кре-
спомъ;
Къ народу — народъ онъ него опспунися;
Лишь Князь со своимъ правовѣрнымъ пол-
комъ
Ко святому кресту приложися.

И вдругъ къ соблазнителью швердой споной
Подходитъ онъ, грозенъ и пылокъ:

«Кудесникъ! скажи мнѣ, что будешъ съ
побой?»
Замялся Кудесникъ и — самъ онъ не свой,
И жметъся, и чешетъ запылокъ.
— Я сдѣлаю чудо. — «Безумный спарикъ,
Солгалъ ты!» и Квяжеской дланью своею
Онъ поднялъ попоръ свой тяжелый — и въ
мигъ
Чело раздвоилъ чародью.

1827. Д.

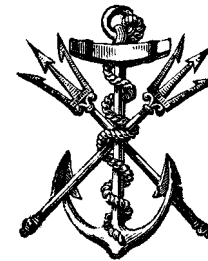
ЭЛЕГИЯ.

Меня любовь преобразила:
Я спалъ задумчивъ и унылъ;
Я ночи блѣдныя свѣпила,
Я сумракъ ночи полюбилъ.
Когда веселая зарница
Горитъ за дальнею горой,
И паръ густѣеиъ надъ водой,
И смолкла вечера пѣвица, —
По скапу сонныхъ береговъ
Брожу поскуя и мечшая,
И жду, когда между кустовъ
Мелькнешъ условенный покровъ,

145

Или пропинка пошайная
Зашепчетъ шорохомъ шаговъ.
Гори, предеспное свѣпило,
Помедли мракъ на лонъ водъ:
Она придетъ, мой ангелъ милой,
Любовь моя, она придетъ!

1824. Д.

Такъ, съ торжища суеты возведена
 Предъ клиросы молебнаго чершого,
 Душа дрожишь, таинственно полна
 Присущишемъ создавшаго ихъ Бога!

1829. М.

К-Ъ К-Ъ Я-Ъ.

Въ былые дни, опъ Музы пѣснопѣннй,
 Въ кругу друзей, я смѣло принималъ
 Игривыхъ сновъ, веселыхъ вдохновеній
 Живительный и сладостный фіалъ.

Тогда, не зная боязни осужденій
 И прелести взыскашельныхъ похвалъ,
 Сынъ вольныхъ думъ и ясныхъ впечатлѣннй,

Мой гордый стихъ шоржеспвенно
 сполялъ.

Здѣсь, окруженъ великихъ именами,
 Онъ шрепешень, надушій передъ вами.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Я не забуду никогда
Мои студенческие годы,
Раздолье Вакха и свободы
И благодушного шурда!
Въспранѣ умѣреннымъ блаженной,
Вдали блистательныхъ невѣждъ,
Они пипали жаръ священный
Монхъ желаній и надеждъ.
Здѣсь Муза пѣсень полюбила
Мои словесныя дѣла;
Здѣсь духа творческая сила
Во мнѣ мужала и росла...

И слава ей! Не ласки свѣща,
Не взоръ любви, не блескъ наградъ,
Какими свѣтскаго поэта
Вельможи гордые дарящъ, —
Мечпы могучія живили
Пѣвца чувствивпелную грудь,
И мнѣ яснѣль высокій пушь
Для поэтическихъ усмій. —

Но помню я: была пора,
Я обожалъ успа и очи,
Чего-шо ждалъ съ упра до ночи,
О чемъ-шо бредилъ до упра,
И спраспи вѣруа заметной,
Впервые лакомъ до похвалъ,
Я мой паланшъ словоохопной
Чужимъ причудамъ посвящаль.
Спиховъ гармонія и сила
Плѣняла душу красомы;
Казалось мнѣ — она любила
Мои весенние цвѣпы.
Разнообразныя надежды
Я распочипельно пипалъ,
Я ихъ въ мишурныя одежды
И по-заморски одѣвалъ.
Она улыбкой награждала

Благовоспитанный мой бредъ,
Гдѣ громкимъ словомъ идеала
Знаменовалъ ее Поэзія.

Любовь возвышенная! ты ли
Давала жизнь моимъ стихамъ,
Когда мечны мои служили
Обыкновеннымъ божествамъ?
Твоя ли дѣйствовала воля,
Тобой ли полонъ былъ пѣвецъ,
Когда съ общественнаго поля
Онъ набиралъ себѣ вѣнецъ?

Теперь не то — я славлю Бога!

Она прошла и не придетъ,
Пора поминельныхъ заботъ,
Моя сердечная тревога.
Какъ нѣчто странное, объ ней
Хранится въ памяти моей
Нравочинительная повѣсть, —
Она въ стихахъ и не мала;
Но поэтическая совѣсть
Ее безумствомъ назвала. —
И правда, вѣрю, я не ксташь
Дары паланты распочалъ;
Да впрочемъ ea tempestate
Я былъ влюбленъ — и шакъ не зналъ,

Что бредилъ я, когда писалъ...
И говорю: любви обѣщанья,
Любви надежды и мечты
Или живые пуспоцвѣшья,
Или поддѣльные цвѣшья!

1824. Д.

АДЕЛАНДЪ.

Ланишь и персей жаръ и нѣга
И помный блескъ пвоихъ очей...
О другъ! пы Альфа и Омега
Любви возвышенной моей —
Ты вся полна очарованья!
Я пвой! мои живые сны,
Мои кипучія желанья
Всѣ на тебя успремлены.
Предайся жъ мнѣ: любви забавы
Я сладкозвучно воспою,
И окружу лучами славы
Младую голову пвою!

1825. Д.

ИМЪ.

Много вашими успами
Пилъ я меду и вина;
Вдохновенными спихами
Пѣлъ я ваши имена!
И въ разгульномъ хорѣ звуковъ
Цѣлы, счастливы, они
Будушь жишь у дальнихъ внуковъ,
Прославляя наши дни:
Тамъ на юношескомъ пирѣ
Слово молвился, подъ часъ,
Въ похвалу и гордой лирѣ,
Веселившейся о васъ, —

И при громъ восклицаній
 Въ честь увѣнчанныхъ именъ,
 Сбереженныхъ безъ прозваній
 Умною людскостью временъ,
 Ксшапи, вмѣстѣ возгласится
 Имя доброе мое,
 И поэту наградишься
 Все подлунное жишье !

1831. М.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ.

Т...ъ. — Д...ъ.

Въ прозрачной мглѣ безмолвствуетъ столица;
 Лишь изрѣдка на шумъ и гласъ ночной
 Опкликнется дремавшій часовой,
 Иль топнетъ конь, и быспро колесница
 Продребезжитъ по звонкой мостовой.

Какъ я люблю пріютъ мой одинокій!
 Какъ здѣсь мила весенняя луна:
 Сребристыми узорами она
 Разсыпалась на полъ его широкій
 Во весь объемъ трехъ-рамнаго окна!

Сей лунный свѣтъ таинственный и нѣжный,
 Сей полумракъ, лелѣющій мечты,
 Исполнены соблазновъ... Гдѣ же ты,
 Какъ поцѣлуй насильный и мяшежный,
 Разгульная и чудо красоты?

Во мнѣ душа трепещетъ и пылаетъ,
 Когда, къ шебѣ склоняясь головой,
 Я слушаю, какъ дивный голосъ пвой,
 Томительный — журчитъ и замираетъ,
 Какъ онъ кипитъ — веселый и живой!

Или когда твои родные звуки
 Тебя зовутъ — и, буйная, лепишь,
 Крупнись главой, сверкаешь и дрожишь,
 И прыгаешь, и вскидываешь руки,
 И шопашь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
 Объящьями восторга встрѣчу я,
 Желанная и добрая моя,
 Мой лучший сонъ, мой ангелъ сладкопѣвный,
 Поэзія Московскаго жинья!

Приди, угѣшь мое уединенье,
 Счастливою рукой благослови
 Труды и дни грядущіе мои
 На свѣпное, святое вдохновенье,
 На праздники я шалости любви.

1851. М.

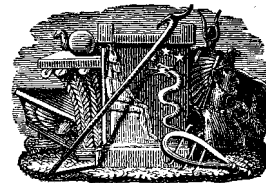
ПЕРСТЕНЬ.

Т...ъ Д...ъ

Да, какъ свяпыню берегу я
Сей перспень, данный мнѣ побой
За жарь и силу поцѣмля,
Тебя сливавшего со мной.
Въ пошь часъ, (забудь меня Камена,
Когда его забуду я!)
Какъ на швой склонясь кольца,
Глава покоилась моя,
Ты улыбалась мнѣ и пѣла,
Ласкала сладосшно меня;
Ты прямо въ очи мнѣ глядѣла
Очами, полпыми огня.

Но что жъ? пакъ пылко, пакъ глубоко,
Такъ вдохновенно полюбя
Тебя, мой ангель черноокой,
Одну шебя, одну шебя —
Одинъ ли я швой взоръ умильный
Къ себѣ привлекъ? На мнѣ ль одномъ
Твои обьяшя пакъ сильно
Живымъ свивающся кольцомъ?
Ахъ, пѣшь! Но свяпо берегу я
Сей перспень, данный мнѣ побой,
Воспоминанье поцѣмля,
Тебя сливавшего со мной!

1831. М.

И сердца трепетомъ прекраснымъ
 Сердечный голосъ ты поймешь. —
 Какъ мило взоръ его смиренный
 Дичится взора твоего;
 Кипящъ, побоею вдохновенны,
 Воспорги нѣжные его!

ПОЭТЬ.

Радужно рабсвуетъ поэту
 Живошворящая мечта;
 Его любовному привѣщу
 Не вруй, дѣва-красоша!
 Раздумье лѣни или скуки,
 Пустую смѣсь обычныхъ сновъ,
 Онъ рядишь въ сладосшныи звуки,
 Въ музыку мыслей и стиховъ;
 А ты, мой чистый ангелъ рая,
 Ты примешь, очи попуцляя,
 Ихъ гармоническую ложь;
 Повѣришь слѣпо чувстввамъ яснымъ,

Уже давно подъ небесами
 Ночная тѣнь и пишина;
 Не спишь красавица? — Мечшами
 Ты безпокойными полна!
 Чуть видны блеспки огневья
 Твоихъ лазоревыхъ очей,
 Блуждающъ кудри золотья
 По скашамъ дѣвсшвенныхъ грудей,
 Ланипы рдѣющъ пурпуровы,
 Упали жаркіе покровы
 Съ младаго спана и колѣпъ....
 Вошъ день — и блѣдная ты всшала,
 Ты не спала, ты все мечшала....
 А онъ, шпансшвенникъ Камень? —

Имъ не играли грезы ночи;
 И бодръ и свѣжъ проснулся онъ,
 И про любовь и черны очи
 Уже выдумываесть сонъ!

1851. М.

К-Ъ К-Ъ ЯНИШЪ.

Вы, чьей душѣ во цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ
 Небесныя знакомы опкровенья,
 Все, чѣмъ высокъ полетъ воображенья,
 Чѣмъ гордъ и пламененъ поэтъ; —

И два вѣнка, одинъ другаго краше,
 На головѣ свилися молодой,
 Зеленый лавръ Поэзіи чужой
 И бриліанты Музы вашей! —

Вы силою волшебной думъ своихъ
 Прекрасную поржеспвенность мнѣ дали,
 Вы на зланныхъ струнахъ перенграли
 Простые звуки струнъ моихъ.

И снова мнѣ, и ярче возсіла
 Минувшихъ дней счастливая звѣзда,
 И жаждою священной труда
 Живѣе грудь запрепешала.

Я чувствую: завиденъ жребій мой!
 Есть и во мнѣ благословенъ Бога,
 И праведна житейская дорога,
 Безпечно выбранная мной.

Не кланяюсь пустому блеску міра,
 Не слушаю слѣпой его молвы:
 Я выше ихъ... Да здравствуйте же вы
 И ваша птворческая лира!

1851. М.

С. С. ТЕПЛОВОЙ.

Я знаю васъ: младыя ваши лѣта
 Счастливою звѣздой озарены;
 Вы любите великій міръ поэта
 И гармоническіе свѣ;
 Вамъ весело имъ вовсе предаваться,
 Ихъ обновлять роскошнѣй и полнѣй,
 И медленно, и долго забываться
 Въ обманахъ памяти своей;
 Вы знаете, какъ въ хоры сладкогласны
 Созвучныя сливаются слова,
 И чѣмъ они могучи и прекрасны
 И чѣмъ Поэзія жива;

Умъете вы мыслию своею
 Чужую мысль далеко увлекашь
 И, праведно господствуя надъ нею,
 Ее смиряшь и возвышаешь;
 Я знаю васъ; но эпими спихами
 Приносился вамъ жертва не моя;
 Я чувствую, смущился бъ я предъ вами:
 Душой и сердцемъ робокъ я;
 Но пламенно я Музу обожаю,
 Доснупенъ мнѣ возвышенный Парнасъ,
 И наизустъ лишь по вамъ повпоряю,
 Что говорится тамъ про васъ.

1831. М.

ОТЪѢЗДЪ.

Не долго мнѣ подъ эпимъ небомъ,
 По здѣшнимъ доламъ и горамъ
 Скипашься, брошенному Фебомъ
 Тоскъ и скукъ и друзьямъ!
 Теперь священныя желанья
 Законно царствующъ во мнѣ;
 Но я, въ сердечной глубинѣ,
 Возьму съ собой воспоминанья
 О сей Нѣмецкой споронѣ.
 Здѣсь я когда-то жизни сладоснь
 И вдохновенье находилъ,
 Игралъ избыткомъ юныхъ силъ

И востѣвалъ любовь и радость.
 Какъ свидѣнье день за днемъ
 И ночь за ночью пролетали

 Вонъ лѣсъ и дремлющія воды,
 И лугъ прибрежный, и кругомъ
 Спаринныхъ липъ густые своды,
 И яркій мѣсяцъ надъ прудомъ.
 Туда, веселья, бывало,
 Вапаги вольницы удалой
 Сходились, дружнымъ шоржеспвомъ
 Знаменовашъ свой день великой:
 Кипѣли звуки пѣсни дикой,
 Спекло сшибалось со спекломъ,
 Косперъ бурлилъ и разливался
 И лѣсъ угрюмый пробуждался,
 Хмѣльнымъ испуганный огнемъ!
 Вонъ площадь: памъ, пышна, явилась
 Ученыхъ юношей гульба,
 Когда въ порфиру облачилась
 Россін новая судьба.
 Бренчали бубны боевые,
 Свиспаль пронзительный гобой;
 Подъ ладъ ихъ бурный и живой,

На удивленной мостовой
 Верпѣлись пляски круговыя;
 Подобно лону гнѣвныхъ водъ
 Пиръ волновался громогласной,
 И любознашельный народъ
 Смопрѣлъ съ улыбкой сладоспраспной,
 Какъ Бахусъ пошчивалъ прекрасной
 Свой разгулявшійся приходъ.

О юность, юность! сонъ лепучій,
 Роскошно свѣщала пора!
 Приволье радости могучей,
 Свободы, шума и добра! . . .
 Мои шоварищи и други!
 Гдѣ вы, мнѣ милые всегда?
 Какъ наслаждаешесь? Куда
 Перенесли свои досуги?

Я помню васъ. Тебя, герой
 Любви, рапиры и бупылки,
 Самонадвянный и пыкій
 Въ пошѣхахъ нѣги молодой!
 Съ швоимъ прекраснымъ идеаломъ
 Тебя Киприда не свела:
 Полна любви, чиста была
 Твоя душа, но въ шѣлѣ маломъ
 Она, великая, жила!

Теперь волшебницу иную
 Богошворишь безопасно пы,
 На жизнь рѣшительно-пусую
 Ты промѣнялъ свои мечпы
 Про славу, Русь и дѣвъ Ирана!
 И гдѣ жь? въ Козельскѣ наконецъ
 Блуждаешь, дружбы и спаkana
 И сладкой вольности бѣглець!...

 И пы!... тебя благословляю,
 Мой добрый другъ, военный мной,
 Лихой гусаръ, родному краю
 Слуга мечемъ и головой.
 Хриспозлюбиваго поэта
 Надежду грудью оправдай,
 Рубись — и царство Магомета
 Неумолимо добивай!

А пы, спрадалецъ скуки помной,
 Невольникъ дѣшняка жипья,
 Ты, изльвившійся, какъ я,
 Какъ я свободно бездипломной!

Люблю себя, проказникъ мой,
 Въ пиши поощаго почной;
 Люблю на праздникъ за ромомъ,
 Въ раздумьи, въ пламенныхъ мечпахъ,
 Въ ученыхъ спорахъ и шрудахъ,
 Съ мечемъ, цѣвницею и ломомъ!
 Чпо медлишь пы? Спасайся, брашь!
 Не здѣсь швое предназначенье;
 Уже намъ вреденъ чуждый градъ
 И задушаешъ вдохновенье.
 Покинь спаkanовъ хмель и спукъ!
 Бѣги, ищи иной судьбины!
 Но да цѣвшупъ они, мой другъ,
 Сія Ливонскія Аѳины!
 Не здѣсь ли нѣкогда, мила,
 Нась юность рѣзвая ласкала,
 И наша дружба возросла,
 И грудь живая возмужала
 На правовѣрныя дѣла!
 О! будь же вамъ благодаренье,
 Вы, коихъ знанья, вкусъ и умъ
 Блюли порядокъ нашихъ думъ,
 Въ насъ водворяли просвѣщенье!
 Всѣмъ вамъ! Тебѣ жь, *кайт' іѣохъ*,
 Наспавникъ нашъ, хвала и слава!

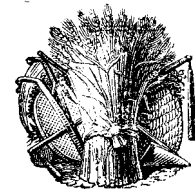
Душой воспитанникъ Камень,
 А пѣломъ ровня Болеслава,
 Мужъ государственныхъ наукъ!
 Не удалось мнѣ съ побоею
 Прощальный праздновашъ досугъ
 Виномъ и пѣснюю круговою!
 Тамъ, тамъ, гдѣ шумно облегли
 Эстонскій градъ морскія волны,
 Въ песчаномъ берегу, вдали
 Твоей отеческой земли,
 Твой прахъ покоится безмолвный;
 Но я, какъ благо лучшихъ дней,
 Тебя донинѣ вспоминаю,
 И здѣсь, съ богинею моею,
 Тебѣ, учитель, воздвигаю
 Нерукопворный мавзолей!

.

Такъ, вопль мой воспоминанья,
 Безъ шоргу купленныя мной!
 Святаго полный упоанья,
 Съ преобразившейся душой,
 Бѣгу на долго въ край родной,
 Спасая Божьи дарованья.

Тамъ, вольный родины пѣвецъ,
 Я просвѣтлю жизнью новой,
 И гордо брошу мой лавровый
 Виномъ обрызганный вѣнецъ!

1829. Д.

Самъ какъ въперъ: крупь ли вспанешь
 На цупи? опважный прянешь —
 И на ней ужь! Ляжешь ровь
 И понокъ клубишся? — мигомъ,
 Онъ широкимъ перепрыгомъ
 Черезъ нихъ — и былъ шаковъ!

КОНЬ.

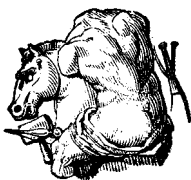
Жадно, весело онъ дышенъ
 Свѣжимъ воздухомъ полей:
 Сизый паръ кипишъ и пышенъ
 Изъ пылающихъ ноздрей;
 Полонъ силъ, удалъ на волъ,
 Громкимъ голосомъ заржалъ,
 Вспрепенулся конь — и въ поле
 Буриновгій поскакалъ!
 Скачешъ, блестящій глазами,
 Дико голову склонилъ;
 Вдоль по въпру онъ волнами
 Черну гриву распустилъ.

Веселися, конь решивый!
 Щеголай избыткомъ силъ!
 Не надолго волны гривы
 Вдоль по въпру шы пустилъ!
 Не надолго жизнь и воля
 Разомъ бурному даны,
 И холодный воздухъ поля,
 И опважны крушизны,
 И спремнины роковыя...
 Скоро, скоро подъ замокъ!
 Тѣшь копыта удалыя,
 Свой могучій бѣгъ и скокъ!

Снова въ дѣло, конь решивой!
 Въ збруъ легкой и красивой,

И блистающій сѣдломъ,
И брнчащій поводами,
Спрройно-вѣрными шагами
Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

1831. М.

КЪ П. А. ОС-Й.

Тѣ дни мнѣ милы и священны,
Когда по Соропи брегамъ,
То своенравный, то смиренный,
Бродилъ я вольно памъ и памъ;
Когда вся живость наслажденій
Во славу Грацій и вина,
Свѣжа, роскошна какъ весна,
Чиста какъ звуки вдохновеній,
Какъ лениа радуги ясна,
Во мнѣ могучая кипѣла, —
И я счастливецъ забывалъ
Рѣку, гдѣ Разинъ восвалъ,

Поля родимаго предѣла,
 Симбирскъ, и кровныхъ, и друзей,
 И все, что правилось когда-то
 Моей фантазіи крылатой,
 Душъ неопытной моей.
 И та, кого моимъ свѣпиломъ
 И божествомъ я называлъ,
 Кому въ восторгъ нѣжно-миломъ
 Стихи и сердце отдавалъ;
 Та красота, едва земная,
 Та знаменитая жена,
 Многоученая, святая,
 Которой наши времена
 Сіяють радости рая;
 Та, для кого не разъ, не два
 Моя порочилась молва;
 Та красота, которой много
 Россійскій жертвовалъ Парнасъ,

 Та благосклонная. . . вопль чудо!
 Подъ вашимъ небомъ и во снѣ
 Она не грезилась мнѣ,
 И вообще я помнилъ худо
 О доспомятливой веснѣ. . .

Такъ лучъ денницы прогоняетъ
 Пары съ проснувшихся полей,
 Такъ возмущительный спаканъ
 Мечты и мысли возвышаетъ.
 Благословенная пора!
 Она жива мнѣ, какъ вчера. —
 Бывало, звѣзды пихой ночи
 Глядясь въ зеркаль пруда...
 Какъ чаровались мнѣ тогда
 Душа и сердце, слухъ и очи!
 Самодовольныя, во мнѣ
 Надежды пыжкія вспадали,
 Играли весело онѣ
 И въ даль ни разу не лезали
 Надежды лучшія мои!
 А домъ, а садъ густозеленой,
 Пруды и Сорочи спудёной
 Госпепримныя спруи!
 А видъ на доли и на горы
 И сѣнь прибережной горы;
 А мостъ и пышные дары
 Помоны, Бахуса и Флоры!

.

Все это радуешь меня,
 Все мнѣ плѣнительно донынѣ
 Здѣсь, гдѣ на жизненной пучинѣ
 Нѣтъ ни въсприала, ни огня.
 О! я молюсь, мой добрый гений!
 Да вновь увижу тѣ края,
 Гдѣ все достойно пѣснопѣній,
 Гдѣ вѣчный праздникъ бытія!

1827. Д.

ПѢСНЯ.

Онъ былъ поэтъ: безпечными глазами
 Глядѣлъ на міръ и міру былъ чужой;
 Онъ сладосно бесѣдовалъ съ друзьями;
 Онъ красоту богопворилъ душой;
 Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
 Харитъ, вино, и дружбу, и покой.

Блаженъ, кто зналъ разумное веселье,
 Чья жизнь была свободна и чиста,
 Кто съ Музами дѣлилъ свое бездѣлье,
 Кому любви прохладныя уста

Свѣвали съ вѣждъ недолгое похмѣлье,
И съ нимъ — его довольная мечша!

И въ честьъ ему, на будущія лѣта
Не худо бы сей учредишь обрядъ:
Порою звѣздъ и мѣсячнаго свѣта
Мы сходимся въ благоуханный садъ,
И память поемъ любимый гимнъ поэта,
И до утра фіалы прозвезаешь!

Пусть видится міръ, какъ нашихъ поминають,
Какъ иногда свирѣли звукъ простый
Да скромный хмѣль и миршъ переживаютъ
Побѣдный громъ и памятникъ злосный,
И многіе, ужъ за-одно, познають,
Что называютъ мірскою суешой.

1831. М.

ВОСПОМИНАНИЕ

оъ А. А. Воейковой.

Ея ужъ нѣтъ, но рай воспоминаній
Священныхъ мнѣ оставила она.
Вонъ чуждый берегъ и мирный храмъ по-
знаній,
Каменами любимая справа;
Тамъ смѣлый госпъ свободы просвѣщенной,
Пѣвецъ вина и дружбы и прохлады,
Наспроилъ я, младый и вдохновенный,
Мои стихи на самобытный ладъ —
И вшорились наѣвы удалые
При говорѣ фіаловъ круговыхъ!

И въ немъ — надеждъ и помысловъ опивага,
 И бытіе привольное всегда!
 Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
 Кто пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ...
 Она всего поэза понимала —
 И гордъ, и шихъ, и пренежень поэзіи
 Ей приносилъ свое богошворенье;
 И радостно во имя божества
 Сбирались въ хоръ созвучныя слова:
 Какъ финіамъ горѣло вдохновенье!

1831. М.

БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ.

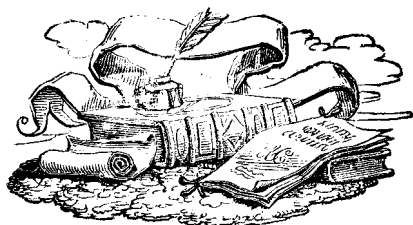
Иные дни — иное дѣло!
 Бывало, помнишь пы, Баронъ,
 Самонадѣянно и смѣло
 Я посѣщалъ нашъ Геликонъ;
 Молва стихи мои хвалила,
 Я неприпворно вѣрилъ ей,
 И поэпическая сила
 Огнемъ могущесивеннымъ била
 Изъ глубины души моей!
 А нынѣ? міру вдохновеній
 Далеко недоступень я;
 На лонѣ скуки, сна и мѣни

Томился молодость моя!
 Моей Камены сынъ ослушной,
 Я чуждъ возвышенныхъ прудовъ,
 Пугаюсь ихъ — и равнодушно
 Гляжу на поприще стиховъ.
 Блаженъ, кто имъ не соблазнялся;
 Блаженъ, кто опъ его суеть,
 Его опасностей и бѣдъ
 Ушелъ въ себя — и памъ осшался!...
 Завидна славы благодать,
 Привѣтъ завиденъ многолюдной;
 Но часпо ль сей наградой чудной
 Ласкаютъ насъ? И то сказать —
 Непроходимо-безпокойно
 Служенье Фебу въ наши дни:
 Въ раздольи буйной полкопни,
 Кричатъ, бранятся непристойно
 Жрецы Поэзии свяшой...
 Такъ шочно праздничной порой
 Книпитъ шорговля площадная;
 Такъ говорливо вшориптъ ей
 Разногослица живая
 Спарухъ, индѣкъ и гусей!
 Туда ль дунъ честолубивой
 Несени плоды священныхъ думъ,

Да увлекутъ они счастливо
 Прощонародный крикъ и шумъ!
 А ты, прихвосница шаланновъ
 И повивальница стиховъ,
 Толпа словесныхъ дуръ и франшовъ,
 Не ценсурованныхъ глупцовъ: —
 Не ты ль на подвигъ православной
 Поэша-юношу зовешь
 И вдругъ рукой самоуправной
 Его же спавишь на правезь? —
 Не ты ль въ судью и господина
 Даешь Парпасу кой-кого,
 И долго, долго швой дышина,
 Прищурясь, смошриптъ на него? —
 Вотъ шакъ-то нынѣ область Феба
 Мнѣ представляется, Баронъ.
 Ты мирно скажешь: «Эпо сонъ,
 Даръ испытующаго неба;
 Опъ легкимъ лёпомъ пролетиптъ;
 Такъ иногда въ жару недуга,
 Спрадамецъ сердится на друга
 И задушевиаго браниптъ!»
 Ну такъ, Баронъ! Поэшовъ богу
 Поспавъ усердную свѣчу,
 Да вновь на прежнюю дорогу

Мои пруды поворочу,
 Да снова пѣснью сладкогласно
 Я возвѣщу, что я поэтъ —
 И оправдается прекрасно
 Мнѣ вдохновенный пѣвой привѣтъ!

1829. Д.

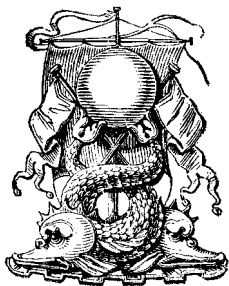

ВЪ АЛЬБОМЪ Ш. К.

Довѣрчивый, простосердечный,
 Безумно слѣдуй мечтѣ,
 Дается юноша безопасно
 Въ неволю хитрой красотѣ;
 Кипитъ, ликуетъ, возвышается
 Его надежда; передъ нимъ
 Мѣръ очарованный является
 Безбрежнымъ, яснымъ и святымъ.
 Онъ долго рабствуетъ прекрасной,
 Онъ богомъ идола зоветъ;
 Но сонъ проходитъ сладострасной
 И въ тоже сердце не придетъ.

Щастливъ, когда любви волненіе
 Отъ своевольно усмирилъ,
 И стыдъ, и гордость, и презрѣніе
 Для ней во правъ сохранилъ.

1824. Д.

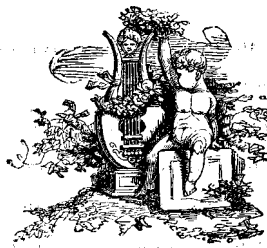
ВЪ АЛЬБОМЪ Ш. К.

Не часто ль пятгоспною мукой
 За ошкренные слова
 Души проспой и близорукой
 Плашилъ мнѣ слѣпокъ божества;
 Не часто ль послѣ вдохновенья
 Оспрадъ возвышенныхъ я ждалъ,
 Заранъ чуялъ наслажденья,
 Заранъ сердцемъ ликовалъ —
 И только знаки опроверженья
 Въ глазахъ красавицы чиналъ?

Любовь, любовь! я помню живо
 Счастливей день, какъ въ первый разъ
 Ты сильнымъ пламенемъ зажглась
 Въ моей груди самолюбивой!
 Тогда всѣ чувства бышя
 Въ одно прекрасное сливались;
 Они свѣтились, возвышались,
 И гордо радовался я.

1824. Д.

...
 ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...

ЭЛЕГИЯ.

Ночь безлунная, звездами
 Убирала синій сводъ;
 Тихи были зыби воды;
 Подъ зелеными кустами,
 Сладко, дѣва-красоша,
 Я сжималъ тебя руками;
 Я горячими устами
 Цѣловалъ тебя въ уста;
 Спраспнымъ жаромъ подымались
 Перси полныя пивон;
 Размешаясь, развивались
 Черныхъ локоновъ спруи;

Закрывала, открывала
 Ты лазурь своих очей;
 Трепепала и вздыхала
 Грудь, прижапая къ моей.

Подъ ночными небесами,
 Сладко, дѣва-красопа,
 Я горячими успами
 Цѣловаль тебя въ уста...
 Небесамъ благодаренье!
 Здравствуй, дѣва-красопа!
 То играло сновидѣнье,
 Безпѣлесная мечта!

1831. М.

А. И.

Влюбленъ я, дѣва-красопа!
 Въ швой разговоръ живый и страстный,
 Въ швой голосъ ангельски-прекрасный,
 Въ швой румяныя уста!

Дай мнѣ шбой налюбоваться,
 Твоихъ наслушаться рѣчей,
 Унишься пѣсню швоей,
 Твоимъ дыханьемъ надышаться.

1829. С.

Великъ Господь! Къ Нему сердца и руки!
 Ему хвалу гласи шимпана звонь!
 Ему хвалу играйте пьсенъ звуки!
 Великъ Господь! и свящъ Его законь!

1850. М.

ХОРЪ,

пѣтый въ Московскомъ Благородномъ
 Собраннн, по случаю прекращенн
 холеры въ Москвѣ.

Великъ Господь! Земля и неба своды
 Свершишели судебъ Его свящыхъ!
 Благословень, когда казнишь народы,
 Благословень, когда спасаешъ ихъ.

Пославшій намъ годину искушенн
 Не до конца рабовъ своихъ караль;
 Намъ возсіялъ желанный день спасенн,
 День милоспн Господней возсіялъ.

ВОЕННАЯ

Новгородская пѣсня 1170 года.

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своеправное море!

Не такъ ли, о други! къ опчизнѣ любовь,
Краса благороднаго сердца,
На битвѣ за славу и честь
Смѣла, и сильна, и побѣдна?

201

Смотрите, какъ пышетъ рождается день,
Какъ наши играютъ знамена;
Не даромъ красуется день,
Не даромъ играютъ знамена.

Видите сражаться подъ яркой зарей;
Отважнѣй душа и десница,
Когда передъ бодрымъ полкомъ
Хоругви завѣшныя блещутъ.

Грешите же, прубы! На битву, друзья,
Пошомки бойцевъ Ярослава!
Не выдадимъ чести народной —
Свободы наследнаго права.

Что вольнымъ сосѣдей завистныхъ вражда,
И темныя рапи Андрея?
Къ опчизнѣ святая любовь
Смѣла, и сильна, и побѣдна.

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своеправное море!

1825. Д.

Научить родню любить,
 Добро и честь любить душою,
 За нихъ бѣды переносить,
 И не блѣднѣть передъ судьбою. —

1824. Д.

КЪ П. Н. Д-У.

Еще ты рокомъ не замѣченъ,
 Тебѣ прекрасенъ Божій свѣтъ;
 Не зная мукъ, не зная бѣдъ
 Ты всѣмъ доволенъ и безпеченъ;
 Твои безоблачные дни,
 Какъ милый сонъ, мелькающъ живо; —
 Да не закашлялся онъ
 Съ порою младости счастливой!
 Она пройдетъ, — но пусть она
 Немрачный пунъ тебѣ укажетъ,
 Пробудитъ силы ото сна.
 И умъ для доблести развяжетъ,

Въ виду рѣки и двухъ озеръ
 И нивъ съ извилистой дорогой,
 Гдѣ древнимъ садомъ окружень,
 Господскій домъ уединенный
 Дряхлѣесть, памятникъ почтенный
 Елисаветинныхъ времянь —

НА СМЕРТЬ НЯНИ А. С. П-А.

Я опыщу шопъ крестъ смиренный,
 Подъ конь, межъ чужихъ гробовъ,
 Твой прахъ улечея, изнуренный
 Трудомъ и бременемъ годовъ.
 Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
 О свѣтлой юности моей,
 И въ поучительныхъ преданьяхъ
 Про жизнь поэтовъ нашихъ дней.

Тамъ, гдѣ на доль съ горы оплодой
 Разнообразно сходятъ боръ,

Настъ, полныхъ юности и вольныхъ,
 Тамъ было прое: два пѣвца,
 И онъ, краса ночей застольныхъ,
 Кипѣвшій силами бойца;
 Онъ, послѣ кинувшій забавы,
 Себя избравшій ратный пуны,
 И освятившій въ полъ славы
 Свою студенческую грудь.

Вонъ памъ — обоями худыми
 Гдѣ-гдѣ прикрытая спѣна,
 Полъ нечиненный, два окна
 И дверь спеклянная межъ ними;
 Диванъ подъ образомъ въ углу,
 Да пара спульевъ; спомъ украшенъ
 Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
 И пы, пришедшая къ сполу!

Мы пиروвали. Не дичилась
 Ты нашей доли — и порой
 Къ своей весѣ переносилась
 Разгоряченною мечпой;
 Любила слушать наши хоры,
 Живые звуки чуждыхъ странъ,
 Ръчей напоры и ошпоры,
 И звонъ спакана объ спаканъ!

Ужь гасить ночь свои свѣпила,
 Зарей альбешъ небосклонъ;
 Я помню, что-то намъ про сонъ
 Давнымъ-давно ты говорила —
 Напрасно! взялъ свое Токай,
 Шумишь удамая пирушка!
 Садись-ка, добрая спарунка,
 И съ нами бражничай давай! —

Ты Расскажи намъ: въ дни былые,
 Не правда ль? не на эшу спать
 Твои бояре молодые
 Любили ночи коротать?
 Не такъ бывало! Слава Богу,
 Земля вершился. У людей

Все коловрашно; по немпогу
 Все мудренѣй и мудренѣй.

И мы... Какъ дѣпшво шаловлива,
 Какъ наша молодость вольна,
 Какъ полнолѣпие умна,
 И какъ вино красноръчива,
 Со мной бесѣдовала ты,
 Влекла мое воображенье...
 И вопъ пещь поминовець,
 На гробъ пшвой свѣжје цвѣпы!

Я опыцу шощь крестъ смиренный,
 Подъ коимъ, межъ чужихъ гробовъ,
 Твой прахъ улегся, изнуренный
 Трудомъ и бременемъ годовъ.
 Предъ нимъ печальной головою
 Склонюся; много вспомню я —
 И умиленного мечпою
 Душа развѣжится моя!

1850. М.

ЭЛЕГІЯ.

Языкъ души краснорѣчивый,
Воспора пламенный полень,
Спиховъ и мыслей переливы
И силу ихъ, — она поймешь;
Но велика ль ея награда
За вдохновеніе любви? ...
Порой два, при небесныхъ взгляда,
И по при вась, друзья мои!

1829. С.

КЪ К. Н. Д.

Я знаю, другъ, и въ шумъ свѣша
Ты помнишь первыя дѣла
И пѣсни Русскаго поэта
При звонѣ Дерпшскаго спекла.
Пора безцѣнная, святая!
Тогда свобода удалая,
Воспорги Музы и вина
Меня живили, услаждали;
Дни безмятежные мелькали;
Душа не слушалась печали
И не бывала холодна!
Пускай извѣстности прекрасной

**

И думъ высокихъ я не зналъ;
 За то учился безопасно,
 За то себя не забывалъ.
 Бывало, кожаной монетой
 Куплю панншвенныхъ опрадъ —
 И романтически съ Лилеиной
 Часы ночные пролетяшь.

Теперь, какъ прежде своеправно,
 Я жизнь студентскую веду;
 Но было время и недавно,
 Любви немѣшкой и неславной
 Я былъ въ удушливомъ чаду;
 Я рабствовалъ; я все оставилъ
 Для безопытной красоты;
 Простосердечно къ ней направилъ
 Мои надежды и мечты;
 Я ждалъ прилежнаго участья;
 Я пѣлъ ланицы и уста,
 И спань, и все, что красота
 Въ моей богинѣ сладоспрашья;
 Мнѣ соблазнительна была
 Ея дѣвическая скромность,
 Очей загадочная томность,
 И ясность бѣлаго чела, —
 Все пѣжню, все волновало

Мою неопытную кровь,
 Все въ юномъ сердцѣ зажигало
 Живую первую любовь.
 Ахъ! сколько грустныхъ сновидѣній,
 Тяжелыхъ вздоховъ, даже слезъ,
 Алкая полныхъ наслажденій,
 Въ часы полуночныхъ явленій,
 Я для надменной перенесъ!
 Я думалъ спрашными спихами
 Ее принудить угадать,
 Куда горячими мечтами
 Пріятно мнѣ перелепашъ.
 И что жъ? Она не разумѣла,
 Кого любилъ, кому я пѣлъ?
 Я мучился; вся кровь кипѣла,
 А объяснишь не захотѣлъ,
 Чего душа моя хотѣла.

Такъ пронеслися дни поспы,
 И вольнодушна и свяша
 Она усердно помолилась,
 Межъ тѣмъ узналъ я, кто она;
 Межъ тѣмъ сердечная война
 Во мнѣ по малу усмирилась,
 И Муза юная моя
 Непринужденно опучилась

Мечтаны о счастье бытія. —
 Опять съ надеждой горделивой
 Гляжу на Шиллеровъ полетъ,
 Опять и радостно и живо
 Въ моей груди славолубивой
 Огонь Поэзіи расплетъ. —

А признаюсь откровенно,
 Я самъ постигнуть не могу,
 Какъ жаръ любви ненагражденной
 Не превратилъ меня въ брызгу!
 Мои пѣсенныя запы
 Отвергла гордая краса, —
 А не сержусь на небеса,
 А мнѣ всѣ люди — не злодѣи;
 А романтической шоской
 Я не стѣснилъ живую душу,
 И въ честь зазорному Карпушу
 Не началъ пѣсни удалой! —

Сія особенность поэма
 Не кшатя нынѣшнимъ годамъ,
 Когда питомцы Бога свѣта
 Такъ мило воспѣвають намъ
 Свое певниное мученье,
 Такъ помыкаютъ вдохновенье,
 И шакъ презрительны къ шому,

Что не доступно ихъ уму!
 Но какъ мнѣ быть? На полъ славы
 Смѣшаю ль звукъ моихъ стиховъ
 Съ лихими пѣснями аравы
 Всегда опчаянныхъ пѣвцовъ? —
 Мнѣ нестерпимы ихъ жеманства,
 Ихъ голосъ буйный и чужой...
 Нѣтъ, Муза вольная со мной!
 Прочь, жажда славы мелочной
 И легкій демонъ обезьянства!
 Спокоенъ я: мои стихи
 Живить пеложная свобода,
 Имъ не законъ — чужая мода,
 Въ нихъ нѣтъ заемной чепухи
 И перевода съ перевода;
 Въ нихъ неподдѣльная природа —
 Свое добро, свои грѣхи!

Теперь довольно, до свиданья!
 Тогда, подробнѣй и яснѣй
 Сего неспройнаго посланья,
 Я расскажу тебѣ дѣянья
 Любви неконченной моей! —

Чшо въ ней земнымъ оковамъ не подвластно,
 Все чистое, святое бытія,
 Чьмъ радостно пылають мысли юны,
 Чьмъ движущя божественныя струны,
 Все, чьмъ живешь и дѣйствуешь поэшь —
 Моей душѣ явилъ онъ, свѣтлозарный...
 И здѣсь, его помощецъ благодарный,
 Творю ему заздравный мой привѣтъ!

Да никогда его очарованье,
 Счастлирое, не оставяешь насъ;
 Будь радостень, ему въ воспоминанье,
 Меня съ шобой соединившій часъ —
 И яркими увѣнчана мечшами,
 Та райская надежда передъ нами
 Заблещеть вновь — и вновь повѣримъ ей,
 Чшо для всего земнаго перехода
 Намъ спашеть чувствъ, копорыя свобода
 Въ насъ развила по милоспи своей.
 Таковъ булашь въ браннолюбивой длани,
 Несокрушимъ, однажды закалень!

Свершился плоды моихъ желаній,
 Сбылся души благословенный сонъ!
 И вопшь они, мѣспа мои родныя...
 Кругомъ лѣса и горы мѣловыя;
 По скапамъ ихъ разбросано село;

А. Н. Т-У.

Здорово, братъ! Поспавъ сюда двѣ чаши;
 Наполнимъ ихъ и вмѣспѣ вознесемъ
 За Дерпнѣ, и Музь, и наслажденья наши,
 Свободныя, кипѣвшія виномъ!
 Въ моей груди естъ сердце молодое
 Воспоминашь и чувствшовашь былое.
 Мнѣ ль разлюбилиъ безоблачныя дни
 Опважныхъ думъ, разгульныхъ вдохновеній,
 Живыхъ шрудовъ и просвѣщенной лѣни?
 Волшебные, зачьмъ прошли они?

Такъ—за него, за эпошь міръ прекрасный!
 Все, чьмъ судьба возвышенна моя,

Вонъ Божій храмъ, и барскій домъ, и нивы,
 Луга, рѣки подгорные извивы,
 И двухъ прудовъ спокойное стекло.

Гдѣ жъ вы, мои поварищи и други?

По прежнему ль увеселяють васъ
 И тихій шрудъ, и шумные досуги,
 И родины краснорѣчивый гласъ?
 Нашъ лучший другъ, пируетъ ли онъ съ вами,
 Онъ, видѣвшій учеными глазами
 Зашой Иранъ и Папріарха горъ,
 И надъ его священной головою,
 Ночныхъ свѣпилъ блистающій красою,
 Торжественный, лазоревый шаперъ!

Дай руку, брашъ! въ виду спраны родимой

Мы повторимъ опрадный свой обѣтъ
 Еще узрѣшь шопъ край, всегда любимой,
 Привольное гульбище юныхъ лѣтъ,
 Разсадникъ чувствъ и помысловъ высокихъ!
 Обнимемъ вновь своихъ друзей далекихъ,
 Ихъ въ бурную бесѣду соберемъ —
 И чокнулись привѣщспвенныя чаши
 За Дерпшъ, и Музь, и наслажденья наши,
 Свободныя, кипѣвшія виномъ! —

1829. С.

ПѢСНЯ.

Когда умру, смиренно совершите
 По мнѣ обрядъ печальной и свящой,
 И мнѣ стиховъ надгробныхъ не пишете,
 И мрамора не спавъше надо мной.

Но здѣсь, друзья, гдѣ нынѣ сходка наша
 Бесѣдуетъ разгульна и вольна;
 Гдѣ весела, какъ праздничная чаша,
 Душа кипитъ студенчески-шумна, —

Во славу мнѣ, въ чашу круговую
 Наполнише блистательнымъ виномъ,
 Торжественно пропойте пѣснь родную,
 И пьяншуйте о имени моемъ.

Все плѣнь и мигъ! Блаженъ, кому съ друзьями
 Свою весну пропировать дано;
 Кто видитъ мѣръ пуманными глазами
 И любитъ жизнь за пѣсни и вино!...

1829. Д.

УСЛАДЪ.

Не спонепѣть долъ опѣ пропона коней,
 Не брызжетъ кровь опѣ Русскаго удара:
 По берегу Дуная, близъ огней
 Лежатъ бойцы, смиришечи Болгара; —
 Тамъ юноша, сорапникъ ихъ мечей,
 Исполненный божественнаго дара,
 Пльняешъ слухъ дружины удалой
 Военныхъ спрунъ волшебною игрой.

Баянъ поешъ могучихъ праопцовъ,
 Ихъ смѣлый правъ, ихъ бурный сраженья,

И силу рукъ, незнающихъ оковъ,
 И быстрошу ихъ пламеннаго мщенья.
 Какъ звукъ щипа, и рашнымъ и вождамъ
 Опраднѣ пѣснь любимца вдохновенья:
 Ихъ взоръ горипшъ, ихъ мысль блуждаешъ
 памъ,
 Гдѣ билась рашъ отважнаго Олега,
 Гдѣ Игоревъ булашъ шоржесшвовалъ —
 И гордый Грекъ блѣднѣлъ и шрепепалъ,
 Послыша громъ Славянскаго набѣга.

Баянъ воспѣлъ мишувшихъ лѣшъ дѣла;
 Баянъ умолкъ; — но рашъ еще внимаешъ.
 Такъ плавапелъ, когда ночная мгла
 Лазуръ небесъ и море заспилаешъ,
 Еще глядишъ на сумрачный закашъ,
 Гдѣ скрылося великое свѣшпимо;
 Такъ сладосшно разспавшемуса съ милой
 Издалека еще зриашъ назадъ!
 Луна пливешъ въ спокойныхъ небесахъ;
 Молчишъ Дунай; чернѣешъ лѣсъ дремучій,
 И шѣнь его, какъ шѣнь широкой шучи,
 Мрачна лежишъ на спихнувшихъ водахъ.

ПѢСНЬ БАЯНА.

О ночь, о ночь, лепи спрѣлой!
 Несносенъ опдыхъ Свяпославу:
 Опъ жаждешъ бишвы роковой.
 О ночь, о ночь, лепи спрѣлой!
 Несносенъ опдыхъ Свяпославу!

Цимискій! Крѣпокъ ли швой щипшъ?
 Не шонки ль кованья лапы?
 Нашъ Князь убійшвенно разипшъ.
 Цимискій! Крѣпокъ ли швой щипшъ?
 Не шонки ль кованья лапы?

Дружинъ борзыхъ дай коней;
 Не шо — мечи ее нагоняшъ,
 И не ускачешъ опъ мечей.
 Дружинъ борзыхъ дай коней;
 Не шо мечи ее нагоняшъ.

Ты рашъ обширную привелъ;
 Не много насъ, но мы Славяне:

Ударъ нашъ мѣпокъ и шяжѣль.
Ты рапъ обширную привелъ;
Не много насъ, но мы Славяне.

О ночь, о ночь, лепи спрѣмой!
Поля, опкройшесь для побѣды,
Проснися, ужась боевой!
О ночь, о ночь, лепи спрѣмой!
Поля, опкройшесь для побѣды!

Но кто пѣвецъ любви не воспѣвалъ?
Какой Баянъ, плѣнешный красою,
Мечпы бойца съ прекрасною мечпою
О родинѣ и милой не сливалъ?
Двойной огонь въ душѣ пѣвца младаго,
Когда поетъ онъ дѣву и войну:
Такъ двѣ спрун Дуная голубаго
Блеснятъ живѣй, сливаяся въ одну.

ПѢСНЬ БАЯНА.

Бойцы садятся на коней,
Баяна дѣва обнимаесть:

Она молчитъ, она вздыхаетъ,
И слезы градомъ изъ очей.

Прощай, прощай! Иду на битву —
« Люби меня, моя краса!
« Молись — услышатъ небеса
« Твою невинную молитву!

« Щипа, врученнаго побой,
« Булатъ врага не перерубишь;
« Тебя пѣвецъ пвой не разлюбитъ
« И не измѣнится душой.»

Они разстались. Пыль густая
Поля покрыла какъ шуманъ.
Враги! вамъ полно ждаты Славянъ;
Вамъ полно спать, берега Дуная!

Взошла денница; вспыхнулъ бой;
Дрожитъ широкая долина. —
О Грекъ! спрашна пвоя судьбина:
Ты не воропнишься домой!

Валялся всадники и кони,
 Булашь дробнился о булашь —
 И палъ ужасно сопостапъ
 При шумъ яростной погони!

Баянь опцамъ не измѣнялъ
 На полъ гибели и чести:
 Могучій врагъ ударомъ мести
 Его щипа не сокрушилъ.

Гордыня сильнаго смирилась;
 Ему не праздновать войны...
 И спалъ побѣдная въ ножны
 По вражьей крови опустилась!

И рапъ на родину пришла;
 Баяна дѣва обнимаепъ,
 Оспрадно грудь ея вздыхаепъ
 И дѣвы радостъ ожила.

Не спалъ въ груди Улада пренепала,
 Не дикій огонь сверкалъ въ его очахъ:
 Онъ зпалъ любовь; дуна его пинала
 Ея воспоргъ, ея безвѣспный спрахъ.
 Онъ пвой, онъ пвой, красавица Сіана!
 Ты помнишь ли его зпашые дни,
 Когда лѣсовъ опеческихъ въ пѣни
 Ласкала пы влюбленного Баяна?
 Ты помнишь ли, какъ бросилъ мечъ и щипъ,
 Презрѣвъ войны высокія награды,
 Онъ пѣлъ пвой божеспвенные взгляды
 И красопу заспѣвичивыхъ ланипъ?
 Ты помнишь ли, какъ пѣснь его внимал,
 Молчала пы? — Но какъ любовь молчипъ?
 То свѣжъ и чишпъ, какъ роза молодая,
 Твое лице румянецъ оживлялъ;
 То вспыхивалъ пвой взоръ; по угасалъ,
 Какъ въ облакъ зарница золотая.
 Баянь Уладъ любви не измѣнялъ:
 Съ чужихъ полей, гдѣ рыщепъ ужасъ битвы,
 Къ певъ его надежды и мечпы,
 И за певъ сердечныя молишпы;
 Онъ всюду пвой! А пы — верна ли пы?

М. Н. Д-ОЙ.

Не въ первый разъ мой добрый Гений
Кидаеть суешную льнь,
Словами дара пѣснопѣнй
Спѣшна привѣтствоваль вашъ день;
Не въ первый разъ восторгомъ блещеть
Сей даръ, покорствующй вамъ,
И сердце сладостно прелещеть,
Кипучимъ пѣсное мечшамъ:
Всегда вы мило принимали
Мои привѣты — и живѣй,
Смѣлье, краше ликовали
Надежды юности моей!

И нынѣ вами пробужденный,
Я вамъ по прежнему несу
Мою любовь, мою красу —
Спихи Камены опкровенной.
Но что же пѣль моимъ спихамъ
На праздникъ вашего рожденья?
Молишь ли руку Провидѣнья,
Да покровительствувешъ вамъ?...
И возсылаю къ небесамъ
Благочестивыя моленья.
Желашъ ли, да украсишь васъ
И умъ, и прелещь, и наука;
Да васъ плѣняешъ сладость звука
И спихопворческй Парнасъ;
Да процвѣтають ваши годы
Подъ кровомъ милой пишины,
Какъ мйръ божественной свободы,
Какъ поле радостной весны?...
И я желаю — по едва ли
Я не наскучу небесамъ,
Моля, чпобъ вамъ они послали
Уже дарованное вамъ!

СТАНСЫ.

Въ часъ, какъ дѣву молодую
Я зову на ложе сна,
И ночью поцѣлюю
Не пропившися она,
Грусь нежданого сомнѣнья
Вдругъ находить на меня —
И боюсь я пробужденья
И божеспвеннаго дня.

Онъ сіяетъ, день прекрасный,
Въ блескъ розовыхъ лучей;

Въ сѣняхъ лѣса сладкогласный
Свищеть пѣсно соловей;
Рѣзвымъ плескомъ льюпся воды,
И цвѣтупъ ковры долинь...
То любовница природы,
То красавица годинъ.

О! счастливъ, чья грудь молодая
Силой чувствъ еще полна;
Жизнь ведетъ его, играя,
Какъ влюбленная нѣжна;
И веселая ласкаетъ,
И, пристрастная къ нему,
И даритъ и общается
Все красавцу своему! —

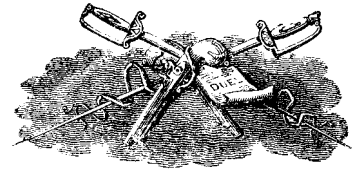
Есть любовь и наслажденья,
Небо есть и на землѣ;
Но могущество мгновенья,
Но грядущее во мглѣ.
О друзья, чпо наша младость?
Чарка славнаго вина,
А забывчивая радость
Съ разу пьешь ее до дна!

Теперь служу иному чувству,
 Пылаю жаждою иной; —
 Учи жь меня, поваричь мой,
 Головоломному искусству.

1826. Д.

А.
 КЪ Н. Н. В-У.

Мой другъ, учи меня рубиться:
 Бышь можешь ивкогда и мнѣ,
 Во славу Руси, пригодился
 Рука привычная къ войнѣ.
 Пипомецъ скромныхъ наслаждений.
 Досель въ мѣръ вѣдалъ я
 Одиъ бездѣлки бытія:
 Приволье Бахуса и льви,
 Упѣхи вилой пишинны,
 Амура припорную сладость,
 Да усынишельную радость,
 Да незаманчивые сны.

ВИНО.

Голосистая, живая,
Чародѣйка молодая,
Удалая красота,
Какъ вино вольнолюбива,
Какъ вино она игрива
И блестящельно чиста;
Какъ вино ее люблю я,
Прославляемое мной:
Умиля и волнуя
Душу, полную шоской,
Всю шоску она опгонитъ,
И меня на ложе склонитъ

255

Беззаботной головой ;
Сладки пѣсни распѣваетъ
О былыхъ, веселыхъ дняхъ,
И стихи мои чищаетъ,
И блестящель въ моихъ очахъ!

1831. М.

**

Но былъ во мнѣ — и слава Богу! —
 Избытокъ мужественныхъ силъ:
 Я на прекрасную дорогу
 Опять свой умъ поворошилъ;
 Я разгулялся по немногу —
 И глупость спрасни роковой
 Въ душѣ исчезла молодой...
 Такъ съ пробудившейся поляны
 Слепаюгъ темные шуманы;
 Такъ, слыща выспрыгъ, кулики
 На воздухъ мечущся съ рѣки.

1825. Д.

ЭЛЕГІЯ.

Поэту радости и хмѣли,
 И мнѣ судимъ могучій рокъ
 Нравоучительнаго Лея
 Полезный выпвердишь урокъ:
 Я испышалъ любви желанье,
 Ее я пѣлъ, ее я ждалъ;
 Безумно было ожиданье,
 Бездушентъ былъ мой идеалъ.
 Моей поски, моихъ привѣшовъ
 Не понялъ слѣпокъ божеспва —
 И всѣ пропали безъ опвѣшовъ
 Мои влюбленныя слова.

НА СМЕРТЬ БАР. А. А. ДЕЛЬВИГА.

Тамъ, гдѣ картинно обгнбая
Брега, одѣшые въ гранитъ,
Нева, какъ небо голубая,
Широководная шумитъ,
Жилъ-былъ поэтъ. Въ соблазны міра
Не увлеклась душа его;
Ни въ чемъ не видѣлъ онъ кумира
Для вдохновенья своего,
И независимая лира
Чужда была спрашямъ земнымъ,
Звуча наипіемъ святымъ.

Любовь онъ пѣлъ: его пагѣвы
Блестали спройностью живой,
Какъ рѣзвѣй спанъ и перси дѣвы,
Олимпна чашницы молодой.
Онъ пѣлъ вино: просвѣй и ясной
Спихи воспоргъ одушевлялъ;
Они звѣнѣли сладкогласно,
Какъ въ шумѣ вольницы прекрасной
Фіаль, цѣлюющій фіаль; —
И дѣвы Русскія приспрастно
Ихъ повпоряюпъ — и поэпъ
Счастливы на много, много лѣпъ.

Таковъ онъ былъ, хранимый Фебомъ,
Душей и лирой древній Грекъ. —
Тогда гулялъ подъ чуждымъ небомъ
Спудентъ и Русскій человекъ;
Тамъ быспро жизнь его младая,
Разнообразна и свѣшла,
Лилась; шамъ дружба удалая,
Его уча и ободряя,
Своимъ пророкомъ назвала,
И на добро благословляя,

Цвѣтущимъ хмѣлемъ убрала
Веселоспѣ гордаго чела.

Ей гимны пѣлъ онъ. Громки были!
На берегъ царственной Невы
Не разъ, не два ихъ приносили
Усна кочующей молвы.
И шамъ поэтъ чистосердечно
Ихъ гимномъ здравспововалъ своимъ.
Ужъ пѣлъ его. Главой безпечной
Опѣ шума жизни скоропечной,
Изъ міра, гдѣ все прахъ и дымъ,
Въ міръ лучшій, въ лоно жизни вѣчной,
Онъ перелегъ; но лиры звонъ
Намъ навсегда оставилъ онъ.

Внемли же нынѣ, пѣнь поэта,
Пѣвцу, чью лиру онъ любилъ,
Кому щедроты Бога свѣла
Онъ въ добрый часъ предвозвѣспилъ.
Я счастливецъ ими! Вдохновецъ

Ужъ спали жизнью моею!
Прими сей гласъ благодаренья!
О! пусть мои спиховоренья
Изъ милой памяти людей
Уйдутъ въ неспосный мракъ забвенья
Всѣ, всѣ! . . . Но лучшее, одно
Да не погибнетъ: вопи оно!

1851. М.

КЪ А. Н. Т-У.

Не вспоминай мнѣ, Бога ради,
Веселыхъ юности годовъ,
И не развертывай пергади
Моихъ студенческихъ стиховъ!
Ну, да! судьбою благосклонной
Во здравье было мнѣ дано
Той жизни мило-забубенной
Извѣдать крѣпкое вино!
Успѣхъ шрудовъ и пѣснопѣнъ
Младое, полное огня,
На знаменитое служенье
Тогда гоповили меня;

Тогда мои пльняла взгляды,
Мои превожима мечпы
Душа, одѣшая въ черпы
Богинь божеспвенной Геллады.
Какъ гордо радовался я!
Какъ вдохновенно сердце билось!
А нынѣ? . . . Все перемѣнилось,
Жизнь и Поэзія моя! —
Гляжу печальными глазами
На вялый ходъ мнѣ новыхъ дней,
И славлю смерпными спихами
Красавицъ родины моей!
Не пакъ ли сынъ богашырей,
Имъ измѣнившій богохульно,
Недужень пѣломъ и душой,
Изъ чаши прадѣда разгульной
Пьешь охлажденный настпой?

1829. Д.

ЭЛЕГИЯ.

Т. Д.

Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи
Тебя руками обогнуть;
Челомъ въ чело, очами въ очи,
Уста въ уста и грудь на грудь!
Кто соблазнительный швой ленишь
Лобзаньемъ пылкимъ прерываешь,
И смуглыхъ персей дикій шрепешь
То усыпляешь, то пробуждаешь!...
Но пошь блаженнѣй, два ночи,
Кто въ упоеніи любви

245

Глядишь на огненные очи,
На брови дивныя швои,
На свѣжеснь успѣ швоихъ пурпурныхъ,
На черношу молодыхъ кудрей,
Забывъ и жаръ воспорговъ бурныхъ,
И силы юности своей!

1831. М.

*

Про нѣгу дружбы вольнодумной,
 Про незабвенные края,
 Гдѣ пролетѣла шумно, шумно,
 Лихая молодость моя? —

Нѣтъ. Но за то, главою презвой,
 На послѣдяхъ моей весны,
 Опъ жизни праздничной и рѣзвой
 Поникшій въ лоно пишины,
 Теперь, какъ сердца не превожиптъ
 Мнѣ красота великихъ дней,
 Достоинъ буду — Богъ поможетъ —
 Я благосклонности твоей.

Вѣдь я не даромъ же оставилъ
 Попѣхи лѣни и гульбу,
 На свой обычай переправилъ
 Свою грядущую судьбу
 И посвятилъ уединенно
 Мой возрастъ силы и трудовъ!
 Опъ первыхъ смысленныхъ годовъ
 Знакомъ и вѣрнѣ вдохновенно,
 Лишь всемогуществу его
 Обязанъ вольностью и счастьемъ,
 И чистымъ, свѣплымъ сладоспращемъ
 Ума и сердца моего; —
 Его забуду ли я нинѣ?

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ.

И шакъ — мнѣ новая награда
 Опъ Музы доблестной твоей,
 Младыхъ поэтовъ Пешпрограда
 Серебровласый Корифей!
 Ее съ поклономъ принимаю,
 Умью чувспвовашь ее;
 Но заслужилъ ли я — не знаю —
 Неоспавленіе твое?
 Какими подвигами славы
 На свѣптъ выказался я?
 Ужъ не стихами ль про забавы,
 Про удалъ брапскаго жипця,

Я ль, живо сознавший собой,
 Въ моей любви, въ моей святыни
 Раскаюсь зрѣлою душой?

Но признаюсь, я робкимъ взоромъ
 Смотрю на будущность мою,
 Хотя не вмѣстѣ съ буйнымъ хоромъ
 Безкнижной сволочи пою.
 Кого паланить мой разобидѣлъ?
 Кого мой спихъ оклевещалъ?
 Какой невѣжда или нахаль
 Меня поргующимся видѣлъ
 На рынкѣ браней и похвалъ?
 Почто же страхомъ ожиданій
 Грудь возмущается моя?
 Уберегусь ли мирно я
 Опъ криводушныхъ порицаній,
 Опъ пошлыхъ козней и обидъ?
 Мнѣ ль предузнать, какимъ возгласомъ
 Мои труды передъ Парнасомъ
 Его кричальщикъ возвѣспинтъ?
 Онъ чуденъ: карлу великаномъ,
 Геперу Музой, хмѣль дурманомъ
 Во всеуслышанье зовещъ
 Немилосердо-самовластный!

И кто противу, кто несчастный?
 Ну, право, дрожь меня беретъ!

Ты, Феба ревностный поклонникъ,
 Его классическій законникъ!
 Къ тебѣ съ надеждою моею,
 Съ моей неопытною лирой,
 Къ тебѣ, ужасному сапирой
 Главамъ Парнаскихъ бобылей,
 Прибѣгну я: грозою правой
 Ты знаменито ихъ пугнешъ....
 И пощадить меня ихъ ложь,
 Твоей заспущеннаго славой. —

1829. С.

Такъ ночью краше небеса
 При яркомъ мѣсяца сіяньи;
 Такъ въ миловидномъ одѣяньи
 Очаровашельный краса.

Кто за покаломъ не поешъ,
 Тому не полная опрада:
 Богъ пѣсенъ богу винограда
 Воспорги новые даешъ! —

1894. Д.

ПѢСНЯ.

Кто за бокаломъ не поешъ,
 Тому не полная опрада:
 Богъ пѣсенъ богу винограда
 Воспорги новые даешъ.

Слова свящяныя: пей и пой!
 Необходимы для пирушки.
 Друзья! гдѣ арѣа подлѣ кружки,
 Тамъ бога два — и ширь двойной!

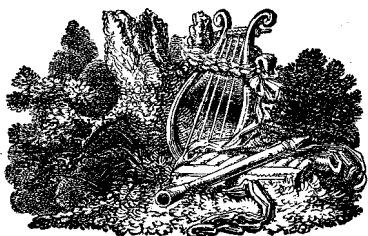
НА СМЕРТЬ А. Н. Т-А.

Огнемъ и силой думъ прекрасныхъ
Сверкалъ возвышенный швой взоръ;
Избыткомъ чувствъ живыхъ и ясныхъ
Твой волновался разговоръ;
Грудь вдохновенно шрепешала,
Надеждой славы горяча,
И смѣлостью гордо поднимала
Твой могучія плеча!
Попухли огненныя очи,
Умолкли вѣщія уста,
Недвижно сердце; вѣчной ночи
Тебя закрыла темноша.

Прощай, поварица! Были годы,
Ты чашу сладкую пивалъ;
Въ садахъ науки и свободы
Ты поэтически гулялъ;
Тамъ создалъ ты, славолубивый,
Тамъ воспиналъ, направилъ ты
Свой кипучіе порывы,
Свой широкія мечпы.
И въ дальній шумъ инаго міра
Тебя на громкія дѣла
Моя воспорженная лира
Благословляла и звала;
Ея привѣшпвенному звуку
Какъ суевѣрно ты внималъ,
Какъ жарко дружескую руку
Своею схватывалъ и жалъ!
Подъ сѣнью сладостнаго свѣта,
Красуясь дивною красой,
Въ швоихъ очахъ грядущи лѣта
Веселой мчались чередой;
Въ ихъ упоминшльномъ обманѣ
Ты ясно жребій свой чиналъ,
Имъ надмевался — и заранѣ
Торжеспивовалъ и ликовалъ.

Пришли — и вопшь пвоя могила!
 Крылапыхъ мыслей быспроша,
 Надежды, молодость и сила —
 Все плънь, и мигъ, и суеша!

1831. М.

Е. А. С-ОЙ.

Мысль неразгульнаго поэта
 Является божеспвенно-спройна,
 Въ живые образы одъша,
 Свяпымъ огнемъ озарена.
 Счаспивъ, кто силенъ ей предапся,
 Тотъ, чья душа спокойна и чиста,
 Да въ ней вполне изобразяся
 Ея гармонія, и свъпъ, и чистота.
 Такъ вы блистательно-прекрасны...
 А что мой спихъ? Пипомецъ буйныхъ лыпъ
 И проповъдникъ разногмасный
 Мърскихъ соблазновъ и суешъ!

Донинѣ пьяными мечтами
 Спуденшѣ кипѣшъ не переспалъ —
 И спранны были бы предъ вами
 Вакхическій напѣвъ и хмѣль его похвалъ.
 Но, чуждѣ свяшному вдохновенью,
 Онъ въдаешъ, гдѣ небо на землѣ;
 Но мѣспо ешъ благоговѣнью
 На удаломъ его челѣ,
 И, полнѣ шанственнѣ опрады,
 Усердно вамъ приноситъ онъ —
 Свои пошупленные взгляды,
 Смутившуюся рѣчь и робкѣй свой поклонъ.

1831. М.

МЕЧЕНОСЕЦЪ АРАНЪ.

(Отрывокъ.)

Не разъ, не два Ливонія видала,
 Какъ, рашуя за вѣру Хриспанъ,
 Могучая рука швоя, Аранъ!
 Изъ вражкихъ рукъ побѣду выривала;
 Не разъ, не два себя благословлялъ
 Привѣшнѣй крикъ воинственнаго схода,
 Когда шобой хвалился Воевода
 И смѣлаго, какъ сына, обнималъ.

.

Но мнилось — любовь и наслажденье,
 А не войну и славу на войнѣ
 Арановой пльнипельной веснѣ
 Назначило удьломъ Провидѣнье.
 Аранъ! пвои ланипы и уста,
 Румянныя, какъ пурпуры денницы,
 Твоихъ очей лазурь и быспропа,
 Ихъ милый взоръ, ихъ длинныя рѣсницы,
 Твой гибкій спанъ и черныя власы —
 Какъ сладоспно, и пламенно, и живо
 Мечпалися въ полночныя часы
 Красавицъ надменной и спыдливой
 Въ спранъ, гдѣ пы какъ радость разцвѣталъ,
 Гдѣ Везеръ лешть серебряныя воды;
 Въ спранъ, гдѣ сынъ опчизны и свободы,
 Возвышенный Арміи побждааь!

Какъ яркій лучъ божеспвеннаго свѣта,
 Какъ мощнаго воипеля спрѣла,
 Какъ пворческій и смѣлый духъ поэта
 И горный лепъ побѣднаго орла, —
 Дни юноши легки и быспропечны,
 Когда пльненъ высокимв и благимв,
 Мечпашельный, живой, просносердечный,
 Онъ весь дамся надеждамъ зомонымъ —
 И новый міръ ясиъешъ передъ нимъ,

Для подвиговъ прекрасныхъ безконечный!...
 Такъ молодоспъ Аранова текла;
 Ужъ полонъ чувствъ и бодрыхъ упованій,
 Онъ былъ гоповъ десницею для брани,
 Гоповъ душей на славныя дѣла.
 Его мечпа шуда переносила,
 Гдѣ Божій свѣтъ креспомъ преображенъ;
 Гдѣ Иорданъ, Голгоа и Кедронъ;
 Гдѣ висопы Ермона и Кармила:
 Тамъ юноша, при ратныхъ знаменахъ,
 Намъспникомъ Пешра благословенныхъ,
 Горьмъ, алкаль прославившся въ бояхъ
 Красною дѣль опважныхъ и священныхъ.

На синевѣ безоблачнаго свода
 Свѣшило дня прекрасное горипъ;
 Труба на сборъ воипелей манипъ;
 Надъмъ броню ихъ спарецъ-Воевода...
 Они спеклясь — напюченый булапъ
 Звучипъ, блестяпъ; геройскія воззванья,
 Веселья пекупъ изъ ряда въ рядъ;
 У всѣхъ одинъ надежды и желанья,
 Всѣ бранными воспоргами кипая! —
 Закрывъ лице рѣшешкою забральной,

На рукоятъ повикнувъ головой,
 Одинъ Аранъ, безмолвный и печальной,
 Не веселья, не ликова въ душой....
 Когда Магистръ, гошовася на бишву,
 Сложивъ шедомъ пернатый и стальной,
 Произносилъ сердечную молишву
 Спасителю и Дѣвъ Пресвятой;
 Когда поднявъ шрепещущія драни
 И слезный взоръ къ безсмертнымъ небесамъ,
 Онъ призывалъ внимающимъ полкамъ
 Великую защиту бога брани;
 Когда клялся не холодѣть въ бояхъ,
 Блюсти мечемъ Апостоловъ державу
 И возвѣщая въ языческихъ странахъ
 Всевышняго присолнечную славу. —
 Чшо чувствовалъ пы, воинъ молодой,
 Вождя побѣды глазами озирая,
 То яркими, какъ пламень громовой,
 То мрачными, какъ шуча громовая?

 Просмертые на бархатъ полянъ,
 Въ безмолвіи окрестности наблюдая,
 Ливонцы ждуть прихода Христіанъ;
 Они безъ лапъ: мечъ, шпѣлы и чеканъ,

Копье и щипъ — ихъ сбруя боевая...
 Блеснула рашъ знакомая въ дали;
 Трескучій зыкъ сзывающаго рога
 Ихъ взволновалъ: сполнились, пошекли —
 И началась кровавая шревога!
 Не облака ль сверкають и гремятъ,
 Не озеро ль Чудское разшумѣлось?
 Не облака сверкають и гремятъ,
 Не озеро Чудское разшумѣлось! —
 Враги Христа съ Винандовымъ полкомъ
 Сшибаються

 Тамъ общій бой: шолпа шолпу шѣснитъ;
 Пируеть смертъ, кровь брызжетъ, шпаль
 звенитъ;
 Топъ мечъ занесъ и, не свершивъ удара,
 Оцѣпенѣлъ, разрубленный мечемъ;
 Топъ въ яросши губительнаго жара
 Не слышитъ ранъ и рубится съ врагомъ;
 Шной копье изъ шѣла вырываетъ
 И въ судоргахъ влачитъ по земль;
 Топъ навзничъ палъ — и лъва на чель;
 Топъ жалостно споная издыхаетъ,
 Подавленный израпенымъ конемъ;

Кто смерть зовепъ, кто битву прокли-
наепъ:

Обширный адъ на полъ боевомъ! —

Ужъ мѣсяцъ вспалъ блестящій и багряный
Надъ зеркаломъ Балтійской глубины;
Ужъ поекли росисные туманы
По берегамъ лазуревой Двины....

.....
.....

Бой переспалъ; огни въ долинѣ спана;
Войтели на рыцарскихъ щитахъ
Несутъ въ шаперъ полмертваго Арана:
Онъ весь въ крови; мерцае въ очахъ
И широка запекшаяся рана.

1824. Д.

КЪ П-РУ.

Свободны, молоды, въ цвѣтѣ силъ,
Мы весело, мы шумно жили;
Насъ Бахусъ пламенный любилъ,
Насъ дѣвы хищныя любили;
Въ обгонъ лепѣли наши дни,
Свѣпились ярко наши ночи...
Такъ въ пучъ рѣюлся огни,
Такъ блещутъ радостныя очи!
И гдѣ жъ она, поварищъ мой,
Ся волшебная година;
Гдѣ наши пѣсни, наши вина
И праздникъ жизни удамой?

Все миновалось!... на разлуку,
 Задумчивъ, стихъ, своею рукъ
 Мою пропягиваю руку;
 Предвижу сонъ, предвижу скуку
 Въ моемъ пуспынномъ уголкѣ,
 Гдѣ мы, надеждъ могучихъ полны,
 Пивали сладость бышя,
 И гдѣ вчера еще, какъ волны,
 Шумѣли бурные друзья. —
 Но, милый мой, пройденъ ненастье;
 Когда нибудь и гдѣ нибудь,
 Хопя на мигъ, земное счастье
 Украситъ жизненный нашъ цупъ;
 Я обниму тебя; какъ брапа;
 Подъ кровомъ добраго Пената
 Съ пвоимъ сольется мой досугъ.
 Тогда, мой другъ, тогда, мой другъ!
 Последний грошъ ребромъ поставлю,
 Упьюсь во имя прошлыхъ дней
 И поэтически опправлю
 Помники юности моей!

1826. Д.

ПѢСНЬ БАЯНА.

Война, война! прощай Сіана!
 Бойцы шумяпъ, бойцы идупъ;
 Они поварища Баяна
 Въ страну далекую зовупъ.
 Туда, гдѣ бранные пожары,
 Дунайски волны озаряпъ,
 Гдѣ смертоносные удары
 О шлемы Грековъ зазвеняпъ.
 Съ врагомъ сражаяся, какъ дѣды,
 Рукой и сердцемъ Славяннпъ,
 Я наши спану пѣпъ побѣды
 И смѣлость Кнзя и дружинъ.

И швой Баянъ, пируя славу,
 Подъ мѣдью лапъ дыша побой,
 Самъ повпорю я Свяпославу,
 Чпо пѣль Сіанъ молодой.

Промчипся буря боевая,
 Войдепъ въ ножны булапъ бойца —
 И дѣва, сердцемъ оживая,
 Обнимепъ върнаго пѣвца.

1824. Д.

КЪ****

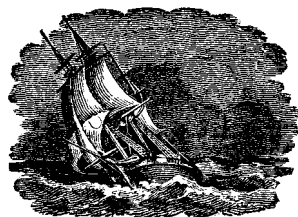
Во имя Руси, милый братъ,
 Твою главу благословляю;
 Изъ края Нѣмцевъ, горь и спадъ,
 Ты возвращенъ родному краю.
 Позоръ собыпій нашихъ лѣтъ,
 Великихъ смелней и суепъ,
 Тебя не долго позабавилъ;
 Ты ихъ презрѣлъ, пы ихъ ославилъ,
 И на добро, на Божій свѣтъ
 Живые помыслы направилъ.
 Любезный гражданинъ Москвы,
 Теперь ни славы заграничной,

Ни расказней молвы сполничной,
 Ни государственнoй молвы
 Не слушаешь; опщoвскимъ Ларамъ
 Твои часы поручены;
 Ты пьешь приволье пишины,
 Подобно счастливымъ боярамъ
 Веселонравной спарины;
 На свѣжихъ розахъ Гименея,
 Въ чело, и очи, и уста,
 То замирая, то краснѣя,
 Тебя лобзаешь красота...
 Книпятъ, пылаютъ наслажденья,
 Ихъ нѣгу вѣрнoсь бережешь,
 И быспро вѣчный скороходъ
 Уносишь легкiя мгновенья.
 А я, гуляющiй поэтъ
 У вратъ свѣпилица науки,
 Брожу и жду, пройдушь иль нѣтъ
 Мои поминельныя скуки?
 Блеснетъ ли вновь передо мной
 Звѣзда любви и вдохновенiй,
 И жажда славы пѣснопѣнiй,
 Въ груди забьется молодой,
 И благозвучными спихами
 Означу сладостные дни?

Напрасно; дни бѣгутъ за днями
 И въ Лешу падаютъ они.
 Она прошла, пора злая,
 Восторговъ пламенныхъ пора;
 Владѣютъ мной пщета мiрская
 И лѣнь, и грусть, и мишура.
 Теперь святому Провидѣнью
 Я говорю одну мольбу,
 Да не предаспѣ оно забвенью
 Мою грядущую судьбу;
 Да возвратитъ мнѣ мiръ свободы,
 Мечты и пѣсни прошлыхъ дней,
 Поля, холмы и непогоды,
 И небо родины моей.
 Тогда, надеждами богатый,
 Спѣша опѣ лѣни и заботѣ,
 Я посѣщу твои палаты
 На брегъ Москворѣцкихъ водъ;
 Краснорѣчивые разказы
 Про жизнь Альпiйскихъ паспуховъ,
 Про горы выше облаковъ
 И про любовныя проказы
 Въ виду попоковъ, скалъ и льдовъ —
 Часы лепучаго досуга
 Намъ очаруютъ въ пишинѣ;

Моя веселая подруга,
 Камена, улыбнешся мнѣ,
 И пѣсню лиры вдохновенной
 Тебѣ радушно воспою
 Упѣхи жизни просвѣщенной
 И долю мирную твою.

1827. Д.

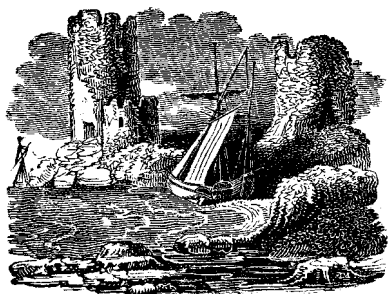

ПѢСНЯ.

Разгульна, свѣшла и любовна
 Душа веселился моя;
 Да здравспвуетъ М.... П....
 И ножка, и ручка ея!
 Какъ розы денницы живыя,
 Какъ ранніе свѣги полей —
 Ланишы ея молодыя
 И дѣвственнѣй бархашъ грудей.
 Какъ звѣзды задумчивой ночи,
 Какъ вешняя пѣснь соловья —
 Ея восхищительны очи
 И сладоспень голосъ ея.

Блаженъ, кто роскошно мечтая,
 Зовешь ее дѣвой своей;
 Блаженный избранникъ рая
 Студенца, полюбившійся ей!

1829. Д.

КЪ В-У.

Повѣрь, поварищъ, сладко мнѣ
 О мирной думашъ споронѣ,
 Гдѣ я, разгульный и свободной,
 Завѣннымъ преданный мечпамъ,
 Бродилъ рѣки голубоводной
 По величавымъ берегамъ
 Мнѣ все пльвипельно въ Тригорскомъ,
 Все свято: Пушкинъ, пы, да я —
 Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
 Мы пили нѣгу бышя!
 Туда, туда, туда! но свѣшу
 Въ Цари поспавень гнѣвный рокъ,

Равно досаденъ и жестокъ
 И не-поэту, и поэту —
 И онъ-то шупитъ надо мной.
 Но будь утѣшенъ пы, Герой,
 Питайся медомъ ожиданій:
 Придетъ пора моихъ желаній,
 Осуществится мильой сонъ,
 Покину Дерптскаго Пенапа,
 Возвеселюся, какъ Сіопъ,
 И обниму шебя, какъ брата.

1827. Д.

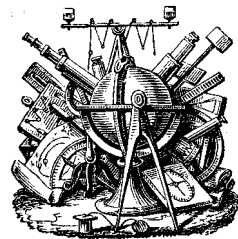
А. Н. СТ-У.

Прощай надолго, милой мой;
 Да Провидѣиѣмъ хранимый,
 Ты возвратишься невредимый
 На пользу родинѣ святой!
 Да жаръ возвышенныхъ желаній
 Въ шебъ мужаепъ и роспепъ
 Среди классическихъ работъ
 На свѣпломъ поприщѣ познаній!
 Да тамъ, откуда съ давнихъ поръ
 Надеждъ питомцы дорогіе,
 Россіи книжники молодые,
 Вывозятъ ей лишь плѣнь и вздоръ,

Туманъ шальнаго мудрованья,
 Глухую спесь, немилость къ намъ
 И знаменитыя прозванья
 Своихъ учителей, — да памъ
 Въ спранъ наукъ правдиво-гордой,
 Служа Каменамъ и добру,
 Не окрестился въ Нѣмчуру
 Твой духъ дѣяпелный и швердой;
 Но жадный шворческихъ шрудовъ,
 Но полный силы своенравной,
 Сбережъ сокровища вѣковъ
 И посвяпишь ихъ православно
 Богамъ родимыхъ береговъ!
 Прощай! Когда-то наша младость
 Цвѣла роскошно, милый мой;
 Гуляли мы рука съ рукой,
 Учились вмѣспѣ, жизни сладость
 Мы пили чашею одной.
 И что жъ? Какъ призракъ сладострастья,
 Пора безоблачнаго счастья,
 Всегда любимая душой,
 Исчезла вмигъ; но ты съ собой
 Возмешь подъ небеса чужія
 Воспоминанья золопья
 Про мѣръ возвышенныхъ суетъ,

Про наслажденья удалья,
 Про шумъ и пѣспи проишлыхъ лѣптъ.
 И въ часть раздумья и досуга
 Мечта волшебною рукой,
 Какъ наяву, передъ шобой,
 Къ картинъ пестрой и живой,
 Поспавишь недруга и друга;
 Тебя воспоргги обшмуптъ,
 И взоръ фиолога угрюмой
 Развеселился ясной думой —
 И закипишь ученый шрудъ!

1828. Д.

ПѢСНЯ.

Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги-мапушки широкой,
Ради сладкаго шруда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помнимъ холмы, помнимъ доли,
Наши храмы, наши селы,
И въ краю, краю чужомъ,
Мы пируемъ ширь веселый
И за родину мы пьемъ.
Благодѣпелною силой
Съ нами Нѣмцевъ подружило

277

Опккровенное вино;
Шумно, пламени и мило
Мы гуляемъ заодно.
Но съ надеждою чудесной
Мы спаканъ и полновѣсной
Нашей Руси — будь она
Первымъ царшвомъ въ поднебесной,
И счастлива и славна!

1827. Д.

И вырвать дланью вдохновенной
 Побѣду родниъ своей.
 Свыпла кончина боевая;
 Блаженъ, кто очи зашворилъ,
 Последнимъ взоромъ провожая
 Побѣгъ и казнь пропивныхъ силъ!

Уже зардѣлась величаво
 Высокихъ подвиговъ заря;
 Шумящъ Суворовскою славой
 Знамена Русскаго Царя,
 Да вновь спрашилищу Спамбула
 Напомнятъ наши поржеспва
 Пожаръ Чесмы, чугуиъ Кагула,
 И Руси грозныя права!

Дай руку мнѣ; во дни былые,
 Въ кругу внимательныхъ друзей,
 Я воспѣвалъ пиры лихіе
 Кипучей младости пвоей —
 Я спану пѣшь пвои побѣды,
 Воспоргомъ весель огневымъ;
 И бурной юнеспи бесѣды
 Наполню именемъ пвоимъ!

1899. Д.

А. Н. В-У.

Прощай! — песи на поле чести
 Опваги юношеской жарь,
 Сердечный гласъ вражды и меспи
 И неизбежный пвой ударь;
 За Русь, поварищъ, за свободу
 Геллады пламенныхъ сыновъ,
 На громъ бойницъ, въ огонь и въ воду
 Пойдешъ пы, силенъ и суровъ!

Блаженъ, кто гнѣвомъ упоенной
 Гулялъ на праздникъ мечей,

РАЗБОЙНИКИ.

(Отрывокъ.)

Синѣ влажнаго въприла
Надъ Волгой шуча проходила ;
Ревѣла буря ; ночь была
Въ пучинѣ зыбкаго спекла ;
Порой огонь воспламенялся
Во шмѣ пополенныхъ небесъ ;
Шумѣлъ, прещалъ прибрежный мѣсъ
И, словно Волга, волновался.

Гремятъ и блещутъ небеса ;
Кипитъ отвага въ сердцѣ нашемъ !

Расправимъ, други, паруса
И бодро веслами замашемъ !
Не чуя страха средъ зыбей,
Душой не слушаешь природы ;
Мы бьемся какъ-то веселѣй
При дикомъ воѣ непогоды !
Въ льсахъ, въ ущельяхъ наши дни
Всегда свободны, беззаботны ;
Какъ шуча сумрачны они,
За то, какъ шуча быспролетны !
Гремятъ и блещутъ небеса ;
Кипитъ отвага въ сердцѣ нашемъ !
Расправимъ други паруса
И бодро веслами замашемъ !

Такая пѣсня раздавалась
На скапъ Волжскихъ береговъ,
Гдѣ своевольныхъ удалцовъ
Спаница буйная скрывалась.
Заранъ радуясь душой,
Они собирались на разбой ;
Какъ пчелы, шумно окружали
Продолговатныя ладьи,
И на ревуція струи
Ихъ дружно съ берега сдвигали.

Могучи духомъ и рукой,
 Законъ и казни презирая,
 Они пльнипельнаго края
 Давнишній рушили покой:
 Не разъ пожары зажигама
 Въ сосѣднихъ селахъ ихъ рука;
 Не разъ бурливая рѣка
 Погонь за ними не пускала,
 И жертвы меспи роковой
 Непобѣдимую волной
 На дно песчаное бросала.
 Многогѣчивая молва
 Объ нихъ далеко говорила;
 Уму несмѣлому ихъ сила
 Казалась даромъ волшебства;
 Ихъ злочеспивья слова,
 Ихъ непоняпня дьянья,
 Угрозы, бипшвы, предсказанья,
 Пугали спарцевъ и младыхъ;
 Имъ жены съ препспомъ дивились,
 И прослезались, и креспнились,
 Разказы слушаая о нихъ.

1824. С.

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ.

Почпенный спарець Аполлона!
 Какъ счастливь шы: давнымъ давно
 Въ пльниспыхъ роцахъ Геликона
 Тебѣ гуляшь позволено.
 Еще пеперь, когда лыпами
 Твоя бльбепь голова,
 Краснорѣчивыми хвалами
 Тебя привѣшпвуешъ молва —
 И поздній гласъ швоей цѣвницы
 Воспоргомъ юнымъ оживлень...
 Такъ блескомъ упренней зарницы
 Вечерній блещепъ небосклонъ.

Слуга опечесивенной славы,
 Ты пѣль победы и забавы
 Благословеннаго Царя,
 Кубры серебряныя воды,
 И ужась Невской непогоды,
 И юга бурныя моря.
 Ты украшалъ, разнообразилъ
 Спраннопріимный нашъ Парнасъ,
 И зависпи коварный глазъ
 Твоей Поэзи не-сглазилъ.
 А я какаѣ мнѣ дорога
 Въ гурьбѣ поэшовъ-удальцовъ?
 Дарами въшренныхъ стиховъ
 Чеспимъ блиспапельнаго бога;
 Бездѣля вольнаго сыны,
 Томимы грустью безущьщной,
 Поемъ задумчивыя сны
 И грезы молодосни грѣшной;
 Бранимъ людей и свѣта шумъ,
 И съ чувспвомъ гордоспи лѣнливой
 Пипаемъ, лакомимъ свой умъ
 Самодовольный и брызгливой. —
 Чшо слава? Суеша суешъ!
 Душой высокою и свободной

Мы презираемъ благородно
 Ея докучливый привѣтъ;
 Но соблазнительныя дѣвы
 За наши милыя напѣвы
 Даряптъ намъ пару пайныхъ словъ,
 Иль кошелекъ хипроспеленный,
 Иль скляночку воды безцѣнной,
 Отрады ноющихъ зубовъ. —
 Воптъ нашъ вънецъ и вся награда
 Текучимъ, сладоспнымъ спихамъ!
 Но, люди горькая досада
 На свѣптъ вѣдома и намъ!
 Насъ гониптъ зависть, намъ злодѣи —
 Всѣ записные грамоптъи;
 И часто за невинный вздоръ,
 За выраженъе удалое,
 Насъ выспавляептъ на позоръ
 Ихъ остроуміе шупое!
 О, научи меня, Хвостповъ!
 Отрѣчься буйнаго союза
 Тѣхъ упоминаельныхъ пѣвцовъ,
 Чья — недоспойная боговъ —
 У Каспалійскихъ береговъ
 Шальная вольничаетъ Муза.

Дай мнѣ классическій совѣтъ
 Свой умъ насприни въ величаво!
 Да увѣчаюсь доброй славой
 Я на Парнасъ нашихъ лѣтъ. —

1828. Д.

БЕЗСОННИЦА.

====

Что мечты мои волнуешь
 На привычномъ ложѣ сна?
 На лицо и грудь мнѣ дуешь
 Свежимъ воздухомъ весна;
 Тихо очи мнѣ цѣлуешь
 Полночная луна.

Ты ль, приопъ воспоргамъ нежны мѣ,
 Радость юности моей,
 Ангелъ взоромъ безмятежнымъ,
 Ангелъ прелесью очей,

Персей блескомъ блоснѣжнымъ,
Мягкихъ золопомъ кудрей?

Ты ли мнѣ любви мечпами
Прогоняешь мирны сны?
Ты ли свѣжими успами
Навѣваешь свѣтъ луны,
Скрыта легкими пѣльями
Соблазнительной весны?

Благодашное видѣнье,
Тихій ангелъ! успокой,
Усыпи души волненье,
Чувства жаркія напой.
И даруй мнѣ упомленье,
Освященное побой!

1831. М.

КАТЕНЬКЪ МОИЕРЪ.

Благословенны пѣть мгновенья,
Когда въ виду грядущихъ лѣтъ,
Предъ оиміамомъ вдохновеня
Священнодѣйствуесть поэтъ.
Какъ мысль о небѣ — величавы,
Торжественны его слова;
Ихъ принимаютъ крылья славы,
Имъ изумляется молва!
Но и тогда, какъ онъ играесть
Своимъ возвышеннымъ умомъ,
Онъ приспоменъ, онъ сіесть
Его хранящимъ божесствомъ,

И часто даромъ прорицанья —
 Творящей прихоти сыны, —
 Его небрежныя созданья,
 Его мечпы одарены.

Быспрѣе, легче свидѣнья
 Пройдушь свои молодые дни,
 Но благодѣтельно: они,
 Служа богицъ просвѣщенья,
 Игривый умъ твой разовьютъ
 И сердца съ чувствомъ безмятежнымъ,
 Какъ яркій звукъ со звукомъ пѣжнымъ,
 Въ одну гармонию сольются.

Тебя полюбятъ миръ и счастье;
 Не возмущатъ груди твоей
 Порывы буйныя страстей,
 Не охладитъ ее безстрашье;
 Прекрасна будетъ жизнь твоя:
 Свѣтла, свободна и спокойна,
 Души божественной достойна,
 Достойна чести бытія.

1827. Д.

ЭЛЕГІЯ.

Любовь, любовь! веселымъ днемъ
 И мнѣ, я помню, ты свѣтила;
 Ты мнѣ воспорги окридила,
 Ты назвала меня пѣвцомъ.

Волшебна ты, когда впервые
 Въ груди ликуешь молодой;
 Спихи, внушенные побой,
 Звучатъ и блещутъ золотые!

Свѣтлѣ зеркальныхъ зыбей,
Звѣзды прелестнѣ разсвѣпной,
Пышнѣ лепны огнецвѣпной,
Повязки сладоспныхъ дождей,

Твои надежды; по умчинся
Очаровашельный ихъ сонъ;
Зови его — не внемлеть онъ,
И сердцу снова не приснился.

1824. Д.

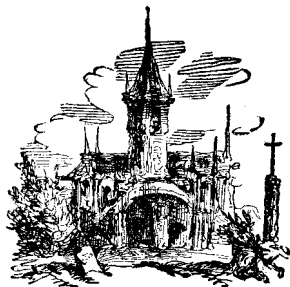

КЪ В. Ю.

Невольный гость Петрова града,
Несчастный другъ веселыхъ мѣспъ,
Гдѣ мы киспиями винограда
Разукрашаемъ жизни креспъ;
Гдѣ такъ роскошно, такъ свободно,
Надеждой сладоспной горя,
Мы веселились всенародно
Во здравье новаго Царя, —
И праздникъ нашъ спраннопримный
Шумл, по городу гуляль;
Спекло звенѣло; пѣльсь гимны;
Тимпанъ шоржеспвенный бряцаль —

Прощай! Когда рука судьбины
 Благоволишь передъ побой
 Спаканъ поспавить пуншевой,
 Иль утѣшительныя вины,
 И вспомнишь юности лихой
 Краспорѣчивыя каршины —
 Какъ мы пивали, пей до дна;
 Пируй по нашему на диво....
 И вновь плѣнительно и живо
 Тебѣ привидится она!

1826. Д.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Въ послѣдній разъ приволье жизни братской,
 Друзья мои, вкушаю среди васъ;
 Сей говоръ чашъ, свободный дружбы гласъ,
 Сей крикъ и шумъ—разливъ души бурсацкой—
 Привѣспвуютъ меня въ послѣдній разъ.

Заупро день засвѣпится мнѣ новый;
 Свѣжо вздохнепть младая грудь моя;
 Веселыми очами встрѣчу я
 Родимыя долины и дубровы...
 Гдѣ жъ вы, мои разгульные друзья?

Могучій Богъ ведетъ меня далече
 Опъ васъ, моихъ согражданъ-бурсаковъ!
 Найду ли гдѣ Поэзію прудовъ,
 Нашъ дивный бытъ и пламенное вѣче,
 Живую жизнь и мысли безъ оковъ?

О! будь же вамъ звездою пупеводной,
 Друзья мои, свобода юныхъ лѣтъ.
 Да радостно, средь удалыхъ бесѣдъ,
 Она хранитъ вашу духъ своепародной
 И сумрачный вамъ озаряетъ свѣтъ.

А мнѣ, друзья, опрадою священной
 Останется счастливая мечта
 Про васъ и Дерптъ, про милыя мѣста,
 Гдѣ я гулялъ, молодой и вдохновенной,
 И съ вами пѣлъ: всё мигъ и суепа!

1829. Д.

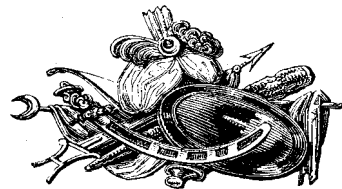
КЪ А. Н. В-У.

Помнишь ли, мой другъ застольный,
 Какъ въ лѣсу, порою шмы,
 Праздникъ молодости вольной
 Вмѣстѣ праздновали мы?
 Мы лежали, хмеля полны;
 Возлъ насъ горѣлъ костеръ;
 Выли огненные волны
 И кипѣли; брагскій хоръ
 Пѣсни пѣлъ; мы любовались
 На товарищей, — они
 Веселые разбѣгались
 И скакали чрезъ огни!

Въ насъ поржественно бурлила
 Чародѣйственная сила
 Первой, двѣственной любви —
 Мы другъ другу объясняли
 Сердца тайныя печали
 И желанія свои.
 Помнишь ли, какъ нѣжно-пылки,
 Въ честь В—ой, попомъ
 Пили, били мы бубылки
 У пруда, передъ коспромъ?
 Такъ я жилъ во время - оно,
 Здѣсь, въ Нѣмецкой споронъ,
 Разсудительной, ученой
 И когда-то милой мнѣ;
 А теперъ поскъ да лѣни
 Хладнокровно предаю
 Утро свѣпыхъ вдохновеній,
 Юность добрую мою:
 Не шумящъ мои досуги,
 Не поропится мой прудъ...
 И порой, какъ въ мой приюсть
 Загулявшіеся други
 Не нарокомъ забредушь —
 Молодцовъ любезныхъ шайка
 Спанешъ въ кругъ, середъ двора;

Нашу праздность пѣтннпть свайка...
 Право, славная игра!
 Тяжкій гвоздь, спойкомъ и плопно,
 Бьешъ въ кольцо; кольцо бренчиптъ;
 Великій вечеръ беззабопно
 И невидимо лепиптъ...
 Поздно... Молча, кругъ удалый
 Разойдешся ради сна...
 Помнишь пы? Ну, по ль бывало
 Прежде, въ наши времена!

1828. Д.

ЭЛЕГИЯ.

Топть не поэтъ, въ комъ не пробудилъ
Воспорговъ пѣжныхъ, сновъ и мукъ
Твоихъ рѣчей волшебный звукъ;
Топть не поэтъ, кто не забудеть
Судьбы и вольности своей,
Всѣхъ думъ и смѣлыхъ и надменныхъ,
Поснигнувъ искрой сихъ очей
Побѣдоносныхъ, вдохновенныхъ!
Блаженъ, кто грудью молодой,
Кто сладоспращными уснами....
Но ты смѣешься надъ мольбами,
Воспламененными побой;

301

Ты прерываешь грознымъ взглядомъ
Сердечный юноши привѣтъ, —
И полонъ мужествомъ и хладомъ
Ему нежданный пивой отвѣтъ.

1829 С.

АУ!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангелъ рая!
Ты, мной воспѣтая давно,
Еще въ пѣ дни, какъ пѣль я радостнъ
И жизни праздничную сладостнъ,
Искрокипучее вино, —
Тебѣ привѣтъ мой издамечя,
Онѣ Москворѣцкихъ береговъ
Туда, гдѣ звонкихъ звономъ вѣча
Мояхъ пугалась пы спиховъ;
Гдѣ спрашно юноснъ мной играма;
Гдѣ въ одинокій мой приопѣ

505

То заходилъ бессонный шрудъ,
То ночь съ гремушкой забѣгала!

Пестро, неправильно я жилъ!
Тамъ все, чѣмъ богъ добра и свѣща
Благословляешъ многи лѣща
Топнъ край, все — бодростнъ чувствѣ и силъ,
Ученье, дружбу, вольноснъ нашу,
Гульбу, шумъ, праздноснъ, лѣнь — я силъ
Въ одну шоржеспивенную чашу,
И пилъ, да пѣль . . . я долго пилъ!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангелъ рая!
Тебя, звѣзду мою, найдешъ
Поэща въспникъ распоронный
Мой бойкій ямбъ чешверостонный,
Мой говоривый скороходъ;
Тебѣ онѣ скажешъ въспнъ благоую.
Да, я покинулъ наконецъ
Шеры, безпечноснъ кочевую,
Я, голосисный ихъ пѣвецъ!

Свяпыхъ воспорговъ просипъ лира —
 Она чужда шъхъ буйныхъ льпъ,
 И вновь изъ прелестни суешъ
 Не сошворипъ себъ кумира.

Я здъсь! — Да здравешвуешъ Москва!
 Вошъ небеса мои родныя!
 Здъсь наша мапушка-Россія
 Семисопъ-льпня жива!
 Здъсь все бывало: плънъ, свобода,
 Орда, и Польша, и Липва,
 Французы. лавръ и хмълъ народа,
 Все, все!... Да здравешвуешъ Москва!

Какими думами украсенъ
 Сей холмъ давнишнихъ сплнъ и башенъ,
 Бойницъ, соборовъ и паланъ!
 Здъсь нашихъ бдъ и нашей славы
 Хранипся новешъ! Эпи главы
 Свяпымъ сянннмъ горяпъ!
 О! проклянъ будъ, кшо пошревожишъ
 Великолнне спарины;

Кшо на нее печать наложипъ
 Мимоходящей новизны!
 Сюда! на дъло пснопннй,
 Поэпы наши! Для спиховъ
 Въ Москвъ ищипе Русскихъ словъ,
 Своенародныхъ вдохновеннй!

Какъ много мнъ судьба дала!
 Денницей ярко-пурпуровой
 Какъ ясно, спихо, жизни новой
 Она воспокъ мнъ убрала!
 Не пьянъ полешъ моихъ желаннй;
 Свобода сердца весела;
 И спихопворческн дани
 Къ спрунамъ — и лира ожила!

Мой чернбровый ангелъ рай!
 Моли судьбу, да всеблагая
 Не опнимаешъ у меня
 Ни одиночеспва дневнаго,
 Ни одиночеспва ночнаго,
 Ни думъ дъшпельнаго дня,

Ни пихихъ сновъ лѣтливой ночи! —
 И скромной пѣснью любви
 Я воспою лазурны очи,
 Ланипы свѣжія пивон,
 Успа сахарны, груди полны,
 И бѣлизну твоихъ грудей,
 И черныхъ, дѣвственныхъ кудрей
 На ней блистающія волны!

Твоя мольба всегда вѣрна;
 И мой обѣтъ — онъ совершится!
 Мечта любовью раскипитъ
 И въ звуки выльется она!
 И будущъ звуки тѣ прекрасны,
 И будетъ сладость ихъ нѣжна,
 Какъ сонъ пѣнистый и ясный,
 Тебя поднявшій съ ложа сна.

1831. М.

ВОДОПАДЪ.

Море блеска, гулъ, удары,
 И земля потрясена;
 То стеклянная стѣна
 О скалы раздроблена,
 То бѣгущъ черезъ крупяры
 Многоводной Ніагары
 Ширина и глубина!

Вонъ пловецъ! Его отъ берега
 Быстриною унесло;
 Въ синій сумракъ водобѣга
 Упираетъ онъ весло...

Тщетно! бурную стремнину
Онъ не сильнѣ опшолкнушь ;
Далеко его въ пучину
Бросишь каменная крупъ!

Мирно гибели послушный ,
Убралъ онъ свое весло;
Онъ попустилъ равнодушно
Безнадежное чело;
Онъ глядишь спокойнымъ окомъ...
И къ пучинѣ волнъ и скалъ
Роковымъ своимъ попокомъ
Водопадъ его помчалъ.

Море блеска, гуль , удары,
И земля потрясена;
То спеклянная спѣна
О скалы раздроблена,
То бѣгушь чрезъ крушюяры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

1830. М.

КОНЕЦЪ.